

© 2001 г. Б. ВИМЕР

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ И ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКИХ И ЛИТОВСКИХ ГЛАГОЛОВ

ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ*

"...признак непосредственной формальной выраженности не является, строго говоря, ни достаточным, ни необходимым для признания того или иного значения грамматическим"

[Булыгина 1980: 331]

0. ВСТУПЛЕНИЕ

Работ, посвященных славянскому, в частности русскому, виду, legion. Работ, в которых освещается связь между видовой системой и лексическим содержанием глаголов, уже меньше, но их число тем не менее внушительно. В настоящей статье, обращаясь к проблеме соотношения между аспектуальными функциями и вариативностью лексического значения, я предлагаю последовательно разграничить явления, относящиеся к грамматикализации, и явления, представляющие собой скорее результаты лексикализации. Разграничение этих двух во многом родственных явлений необходимо для правильного понимания того, как проходило диахроническое развитие видовой системы в русском и польском языках. В этом разграничении заключается первая задача. Вторая задача работы – показать, чем современное состояние видовой системы в русском языке отличается, например, от функционирования глагольной морфологии в современном литовском языке, в котором сохранилось много черт, характерных для более ранних стадий эволюции глагольной морфологической системы в севернославянских языках. В существующих сопоставлениях литовского языка с тем или иным славянским языком сравнивались только морфологические факты как таковые, а если некоторыми авторами сопоставительный анализ велся и с функциональных точек зрения, то он оказался чересчур выборочным, и сделанные наблюдения ни в коем случае не соотносились с исследованиями по грамматикализации, которые появились за последние 30 лет. Наконец, третья задача статьи состоит в том, чтобы показать, какую пользу для понимания диахронического развития видовой системы в

* Автор искренне благодарен целому ряду людей, которые тем или иным образом внесли вклад в предлагаемую работу. В первую очередь автор обязан Ольге Юрьевне и Игорю Михайловичу Богуславским, а также Э. Генюшене, которые не только позволяли автору не раз детальнее обсудить факты и положения, вошедшие в эту статью, но и приняли действенное участие в стилистической и композиционной правке текста. Особые слова благодарности – Н.Д. Арутюновой и Ю.Д. Апресяну, которые высказали ряд критических замечаний по более ранней версии статьи. Хотя позиция автора, скорее всего, не совпадает (а лишь кое-где пересекается) с мнением упомянутых ученых, думается, что уточнения, внесенные с их содействием, принесут существенную пользу для понимания обсуждаемых здесь явлений. Оставшиеся неточности, конечно, на совести автора. Статья посвящается светлой памяти Татьяны Вячеславовны Булыгиной.

русском и польском языках можно извлечь из опыта толкования и операционализации ряда явлений, связанных с семантической и морфологической деривацией. До сих пор этот опыт применялся скорее лишь к материалу современных языков.

Итак, главная задача в общей сложности сводится к тому, чтобы очертить возможности использования различных подходов, предлагаемых аспектологами и лексикологами, а также типологами для теории, которая позволяла бы разграничивать лексический и грамматический статус внешне одинаковых лингвистических фактов. При этом я не претендую на создание какой-либо очередной теории вида. Отнюдь не новы также и положения, касающиеся взаимодействия грамматического вида с лексическим значением глаголов. В разделе 1 представляются примеры довольно стандартных случаев грамматикализации и лексикализации с тем, чтобы на их основе стало легче разобраться в качественных различиях глагольной аффиксации между современным русским и польским языками и литовским языком. В 2.1 предлагается несколько нетрадиционный взгляд на словообразование (в противопоставлении к словоизменению), а в остальной части раздела 2 русский и польский вид освещается с точки зрения общепринятых параметров грамматикализации. На этом основании затем сопоставляется современное русское, польское и литовское глагольное словообразование (раздел 3). В разделах 4–5 показывается связь между лексическим толкованием глаголов и их аспектуальными функциями и определяется место толкования отдельных лексем и лексической семантики в теории, которая должна будет объяснять возникновение видовой системы на словообразовательной основе. В разделе 6 формулируются заключительные замечания.

1. ГРАММАТИЧЕСКИЕ VS. ЛЕКСИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Лексические и грамматические категории имеют разный статус. Хотя и грамматикализация, и лексикализация, как правило, включают ту или иную редукцию как в плане содержания, так и в плане выражения, типичные продукты лексикализации идиосинкратичны, в то время как продукты грамматикализации в высокой степени регулярны по отношению к определенным классам лексических единиц (например, к традиционным частям речи). Вследствие лексикализации возникают новые значения старых единиц (морфем, слов) или их комбинаций, которые, потеряв свою содержательную и/или формальную членимость, начинают использоваться холистически как "цельные куски". Тем самым они обогащают словарь, т.е. инвентарь тех единиц, которые подвергаются регулярным (облигаторным) правилам. Эти же правила, в свою очередь, создают грамматику данного языка. Они определяют парадигматические связи и синтагматическую сочетаемость лексикализированных, "цельных" единиц. Грамматические правила основываются на принципах композициональности, а процессы, ведущие к изменению этой системы правил, относятся к грамматикализации [C. Lehmann 1989].

1.1. Примеры грамматикализации. Достаточно бесспорным примером грамматикализации можно считать появление определенного артикля в германских, романских, а также в болгарском и македонском языках. В отличие от указательных местоимений, из которых эти артикли развились, они обязательны в генерических именных группах и в именных группах, употребленных анафорически. Указательные местоимения в генерических именных группах не могут выступать вообще, а в анафорических именных группах они факультативны. Другим часто приводимым примером грамматикализации является возникновение общего претерита из бывшего перфекта, которое произошло почти во всех славянских языках, а также в ряде германских и романских языков (или в некоторых их диалектах). Развился перфект (т.е. 'акциональный перфект') из результатива ('статальный перфект'), под которым – вслед за авторами [ТРК 1983] – нужно понимать такую глагольную категорию, которая означает то или иное состояние, наступившее вследствие того события, которое может называться перфектом (или тем или иным претеритом в перфектном значении; ср., например, *Х открыл дверь* 'перфект' → *Дверь открыта* 'результатив'). Если мы

примем это различие, мы заметим, что результатив сам по себе менее грамматикализованная категория, чем перфект (и, тем более, общий претерит), поскольку собственно результатив подлещит довольно жестким лексическим ограничениям. Он может образовываться только от глаголов весьма определенной семантики: эти глаголы должны обладать внутренним пределом, преимущественно переход из одного состояния в другое должен быть наблюдаемым, обратимым и т.д.¹.

Перфект, напротив, образовывается от большего числа глаголов, потому что лексические ограничения, характерные для результатива, для него отпадают. Соответственно у перфекта создается целый диапазон функций, которые бывает трудно свести к общему знаменателю и среди которых во многих языках центральное место занимает функция так наз. 'experiential', очень близкая к общефактическому значению русских глаголов несов. вида (НСВ) [Breu 1988: 62 и сл., 66–68; Dahl 1985: 148 и сл.]. Очевидно, что эта функция очень далека от результативной, она может ей даже противоречить; во всяком случае она в принципе не привязана к лексическому значению соответствующего глагола. Это различие коррелирует с хорошо известным фактом, что во многих языках перфект диахронически восходит к результативу. Таким образом, грамматикализация аналитических (или сложных) времен, подводимых под понятие 'перфект', в известной степени сводится к устранению лексических ограничений на образование результативной конструкции: в той мере, в которой – либо по аналогии, либо по семантическим или прагматическим причинам – в уже существующую конструкцию вовлекается все больше лексем (глаголов), изначально по своему лексическому содержанию не подходящих к семантике этой конструкции, она теряет свою семантическую природу и впоследствии поддается семантической и синтаксической реинтерпретации (reanalysis).

1.2. Примеры лексикализации. Лексикализация приводит к изоляции значений, в том числе для нее характерна потеря парадигматических связей с внешне сопоставимыми единицами. К ней относятся не только такие тривиальные случаи, как фразеологизмы разного рода (например, *обивать пороги*, *метать бисер перед свиньями*) и укоренившиеся метафоры типа русск. *нести ответственность*, *зайти в тупик* и т.п., но и утратившие свою продуктивность суффиксы и другие морфемы, встречающиеся на какой-нибудь синхронной стадии того или иного языка. Ср., например, прилагательные на *-л-* в русском (*-л-* в польском), восходящие к причастным формам с чисто результативной семантикой (русск. *заскоруздый*, *оголтедый*, *мерздый*; польск. *zamarzły* 'замерзший', *wkleśły* 'вогнутый', *wylekły* 'запуганный', *zziębły* 'замерзлый', *zachrypły* 'охрипший' и т.п.). Лексикализованы также многие глаголы с постфиксом {s'a} в русском и с эквивалентными ему морфемами в польском и литовском языках. Лексикализованы не только те глаголы с {s'a}, производящие основы которых (без {s'a}) перестали существовать или имеют сегодня значения, не соотносимые со значениями своих производных с {s'a}, как в случае ряда лексических реципроков (ср. *условиться*, *состязаться*, *договориться* и т.п.), но и все те группы глаголов с данной морфологической структурой, которые относятся к семантически специфическим типам рецессивных диатез². Ср., напр., "возвратно-каузативная диатеза" (*стричь волосы* ⇔ *стричься у приятеля* и т.п.), "партитивная" (*морициться* ⇔ *морицить лоб*, *причесаться* ⇔ *причесать волосы* и т.п.), конверсивная (напр., *Гладь озера отражает верхушки деревьев* ⇔ *Верхушки деревьев отражаются в глади озера*) и т.д. Специфика этих диатез заранее сужает круг производящих основ (глаголов), которые могут соответствовать данной семантической структуре.

¹ Ср. обзор этих критериев см. в [ТРК 1983: 5 и сл.] и их обсуждение в [Kozinskiy 1988]. С точки зрения лексических ограничений результатив сопоставим с так наз. 'способами действия', о которых речь пойдет ниже.

² О понятии рецессивной диатезы см. [Geniušienė 1985: 55 и сл.], о лексических реципроках [Князев, в печати].

1.3. Лексический vs. грамматический статус единиц с внешне одинаковыми аффиксами.

Лексикализованные рецессивные диатезы следует отграничить от грамматикализованных рецессивных диатез. К последним нужно отнести использование "рефлексивных" маркеров для образования пассива, как русское {s'a}. Добавление постфикса {s'a} для обозначения страдательного залога приходится считать грамматической операцией потому, что с меной залога не связаны никакие изменения в лексической структуре глаголов, с которыми такая операция производится. Вследствие этого правило мены залога с помощью морфемы {s'a} распространяется в принципе на весь класс переходных глаголов НСВ, т.е. это правило применяется практически к любому представителю данного широкого разряда слов (см. 3.2). Если все же обнаруживаются ограничения, то они обусловлены не видовой принадлежностью глагола, а его ролевой структурой (например, неагентивностью первого аргумента: *Х любит У* ⇒ **У любитсЯ Х-ом*) или наличием конкурирующих рецессивных диатез с лексическим статусом (напр., *Х смотрит передачу* ⇒ **Передача смотритсЯ Х-ом*; *у У-у смотритсЯ* лексикализованное значение ≈ 'легко / приятно смотреть на У'). Поэтому правомерно причислять страдательный залог с маркером {s'a} к грамматическим рецессивным диатезам и, тем самым, отграничивать его от всех других операций на глаголах с помощью {s'a}, в которых изменяется соотношение между семантическими аргументами и синтаксическими актантами и которые, тем самым, обуславливают изменения в толковании самих словарных единиц (см. примеры выше).

Уже эти примеры демонстрируют, что часто одни и те же (внешне схожие) словообразовательные или синтаксические операции имеют разный статус, создавая в одних случаях новые лексические единицы и, тем самым, находясь ближе к полной лексикализации (см. 1.2), в других же случаях становясь показателями определенной грамматической оппозиции (см. 1.1). Этот статус зависит, с одной стороны, от семантических ограничений, свойственных самим лексическим основам, по отношению к которым могут применяться те или иные словообразовательные операции, и от числа (объема) основ в рамках определенной части речи (или другого обобщаемого класса лексем в данном языке), лексическое значение которых допускает мену позиций внутри данной парадигмы (например, мену залога с помощью постфикса {s'a}). С другой стороны, статус зависит от того, насколько данная категория (парадигма) сама обуславливает изменение лексического значения единиц, которые могут в ней участвовать. Так, известно, например, что изменение грамматического времени или наклонения в гораздо меньшей степени влияет на лексическое значение глагола, чем изменение вида; ср. обсуждение взаимодействия семантики вида с лексическим значением глагольной основы в работе [Гловинская 1982: особ. 48], а также 'relevance principle' [Bybee 1985: 11–16]. В неявном виде этот факт уже лежит в основе работы [Маслов 1948]. Он также объясняет ряд ограничений на те частные видовые функции, которые обнаруживает много глаголов русского (польского) языка³. В общем, поскольку вид относится к "внутреннему времени" протекания какого-нибудь действия (положения дел), то он больше обусловлен лексическим значением глагольных основ, и видовые маркеры в разных языках обычно стоят ближе к основе и теснее взаимодействуют с ее значением, чем морфемы, выражающие грамматические времена, наклонения, иллокутивные функции и т.д.⁴. Славянские языки в этом отношении не представляют исключения.

Примеры, приведенные выше, иллюстрируют общую закономерность, частный слу-

³ Ср., например, ограничения на прогрессивную функцию или ее отсутствие у большого количества глаголов НСВ [Апресян 1995б; V. Lehmann 1998]. В проявлении этой функции задействованы более центральные компоненты лексического толкования, чем при итеративной или общефактической функции, которые в принципе оперируют на всем значении глагола в целом.

⁴ Обнаружение этой иконической тенденции тоже является одним из результатов типологических исследований Байби [Bybee 1985: 34 и сл.].

чай которой представляет собой русский (и польский) вид. Противопоставление вида способам действия и подобным явлениям изменения лексического значения производного глагола с помощью идентичных, по сути дела, аффиксов говорит о том, что для правильной оценки лексического vs. грамматического статуса внешне очень схожих явлений необходимо прибегать к дополнительным критериям, а именно:

1. к функциональному (контекстному) распределению рядов морфологически производящих форм (глаголов) и форм (глаголов) производных;
2. к вопросу о лексических ограничениях, налагаемых на морфологическую операцию, причем это касается как основ, так и аффиксов;
3. и, вместе с тем, к количественному охвату и степени обязательности этой морфологической операции в отношении той части речи, которая предоставляет основы также для семантической деривации.

Прежде чем приступить к обсуждению различий между русским (и польским) языком и литовским будет уместно осветить специфические черты славянского вида на типологическом фоне и соотнести их с теорией грамматикализации.

2. ОСОБЕННОСТИ СЛАВЯНСКОГО ВИДА НА ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ФОНЕ

2.1. Словообразовательная грамматическая категория? Если мы согласимся с тем, что лексикализация и грамматикализация соотносятся как полюса некоего континуума, то особое положение на этом континууме занимают функции словообразовательных аффиксов. Традиционно эти аффиксы относят к промежуточной области между словарем и грамматикой. Соответственно, единицы, образуемые с их помощью, обычно "повально" помещают ближе к лексическому полюсу, чем к грамматическому. В этом одна из причин, по которым видообразование в русском языке нередко перемешивают со способами действия (Aktionsarten). Между тем, эти последние образуются только от определенного круга глагольных основ и модифицируют их лексические значения. Кажется, как бы в противовес этому многие современные исследователи приписывают русскому виду словоизменительный статус именно для того, чтобы избежать подобного приравнивания к способам действия. На самом деле, оба эти подхода объединяет то, что для них оппозиция 'словоизменение vs. словообразование' практически сводится к оппозиции 'грамматические vs. лексические значения'.

Ввиду такого (явного или скрытого) отождествления считаю нужным подчеркнуть, что решение о словообразовательном статусе русского (польского) вида, которое принимается здесь по причинам морфотактики, само по себе еще не "умяляет" его грамматический характер. Ведь известно, что расположение тех аффиксов, которые сегодня служат для образования видовых оппозиций, к корню глагола и их соотношение с другими морфемами в рамках глагольных словоформ было тем же еще в древних славянских языках, относительно которых говорить о грамматикализованных видовых оппозициях не приходится⁵. Следовательно, если состав морфем и их внешнее соотношение друг с другом не изменились, но развилась грамматическая категория, именуемая видом, то дело здесь не (или хотя бы не в первую очередь) в переходе словообразования в словоизменение, а в чем-то относительно независимом от этого, по сути своей, морфологического противопоставления. Адекватность такой точки зрения подтверждается как раз тем, что все, что в дальнейшем будет говориться о видовой системе в русском и польском языках и ее отличиях от глагольной морфологии в литовском языке, в принципе не зависит от того, хотим ли мы отнести видовые оппозиции в названных славянских языках к словообразованию или словоизменению (см. также конец 4.2 и сноску 33).

2.2. Нужное дополнение к сложившимся теориям грамматикализации. В работах по грамматикализации внимание обычно фиксируется на отдельных морфемах или конструкциях. При этом изучается, каким образом внешнее изменение их морфологического

⁵ Причины примерно те же, что и в литовском языке (см. разделы 3–4).

облика и/или синтаксического поведения влечет за собой изменение их категориального статуса. Почти нигде не упоминается о том, что (более) лексический статус может превратиться в (более) грамматический также из-за того, что словообразовательные процессы становятся правилами настолько, что приводят к появлению новых парадигм у целых пластов слов, вплоть до традиционных частей речи, как, например, глагол. Исключением в этом смысле является Ф. Леман, который исходит из того, что в идеале грамматическая категория отличается следующими качествами [V. Lehmann 1999a: 208]:

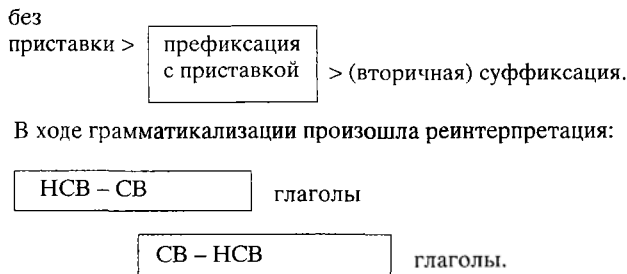
- 1) в отношении лексических основ некоторой части речи функциональное распределение формальных показателей в парадигме достигает максимума;
- 2) соотношение между формальными признаками в парадигме и их функциями обличительное (обязательно);
- 3) формы образуют максимально регулярные оппозиции;
- 4) функции образуют максимально абстрактные оппозиции.

Забегая немного вперед, можно сказать, что современное состояние вида в русском и польском языках близко к достижению максимума по критериям 1, 2 и 4. Хотя о регулярности морфологических оппозиций говорить трудно (критерий 3), тенденции к такой регуляризации все-таки обнаруживаются. В ходе развития русского языка образование глаголов НСВ все более закреплялось за суффиксом *-ива/ыва-*; конкурирующие маркеры (*-а/я-*) постепенно вытеснялись и перестали быть продуктивными [Клобуков, Рыжих 1998: 189; Силина 1982: 171 и сл., 260, 272 и сл.]. Что касается образования глаголов СВ путем префиксации, то ситуация здесь, как известно, менее однозначна прежде всего потому, что приставки чаще меняют и лексическое значение. Кроме того, их гораздо больше. Тем не менее, можно сказать, что в данное время число тех приставок, которые чаще всех остальных продолжают проявлять продуктивность при образовании собственно видовых пар, сузилось. В русском языке здесь можно назвать *по-*, *с-*, *у-*, в польском *po-*, *za-*, *u-*, *s/z-*⁶. Но прежде всего нужно учитывать не столько сам состав словообразовательных морфем, сколько продуктивные способы образования пар глаголов (см. Схему 1). Здесь важно отметить, что в современных русском и польском языках количество продуктивных способов существенно сократилось.

Современный литературный литовский язык, в противоположность русскому и польскому, далек от достижения максимумов по критериям Ф. Лемана, в особенности по первым двум.

Схема 1

Образование основных образцов видовой деривации в славянских языках

⁶ Конечно, в принципе любая приставка может использоваться для образования видовой пары. То, какая приставка берется с этой целью, с давних времен зависело часто от того, насколько та или иная приставка актуализировала одно из значений, заложенных в исходном (бесприставочном) глаголе. Об этом пойдет речь в разделах 4–5. Здесь речь идет единственно о том, какие приставки встречаются чаще всего как "чистовидовые" и какие из них по сей день проявляют в этом продуктивность в новообразованиях.

2.3. Разбор параметров грамматикализации. Задача настоящего подраздела в том, чтобы показать, что общепринятые критерии грамматикализации применимы к русскому (польскому) виду, даже невзирая на словообразовательный характер видообразования. С точки зрения более "классических" теорий грамматикализации славянский вид явно огличается от стандартных случаев развития грамматических категорий в первую очередь тем, что однозначных показателей категории вида нет. Нет той одной морфемы (или серии морфем), которая сама по себе позволяла бы причислить тот или иной глагол к НСВ или СВ. Вместо того, сложились регулярные деривационные образцы (см. Схему 1), в результате которых большое число морфологически соотносимых глаголов вступает в видовые пары. Глаголы, создающие такую пару, имеют общее и в основном совпадающее лексическое значение и функционально распределены по дополнительному принципу (точнее см. в разделе 3). Вследствие этого образовались (почти) бинарные ряды. Бинарность этой оппозиции, вместе с обязательным выбором одного из ее членов (НСВ vs. СВ) в любом контексте, является аргументом в пользу грамматического статуса, четко отграничивающего видовую оппозицию от таких "лексико-грамматических" разрядов как способы действия. Свойство бинарности характерно для целого ряда сильно грамматикализованных морфологических оппозиций⁷, хотя и не для всех (ср., например, системы падежей). Дело в том, что степень грамматикализации тем выше, чем компактнее количество членов парадигмы (согласно параметрам К. Лемана это свойство подпадает под "paradigmatic cohesion"); способы действия, в отличие от вида, не создают компактной парадигмы с закрытым количеством членов.

Существование супплетивных пар также свидетельствует в пользу грамматического статуса деривационных отношений, поскольку говорить о супплетивизме имеет смысл лишь при условии, что соответствующая категория уже сложилась: супплетивизмы являются как бы исключением из правил формального устройства данной категории.

В литовском языке действуют те же самые морфологические отношения, но производящие и производные глаголы не находятся в дополнительной дистрибуции, а словообразовательные процессы охватывают только отдельные аспектуальные или лексические группы глаголов, а не весь их состав (см. 3.5–3.6). Иными словами: в функциональном отношении глагольная аффиксация литовского языка существенно отличается от аффиксации в современных русском и польском языках.

С этим связаны отличия по целому ряду параметров грамматикализации, подробно разобранных в книге [C. Lehmann 1995]. Прежде всего, дополнительное функциональное распределение глаголов по двум классам (СВ vs. НСВ) ограничивает парадигматическую вариативность ("paradigmatic variability"), определенную К. Леманном как "the freedom with which a language user chooses a sign" [C. Lehmann 1995: 137]. Далее, появились более или менее жесткие ограничения на синтаксическую сочетаемость ("syntagmatic cohesion" или "bondedness"). Глаголы НСВ и СВ сочетаются с разными типами обстоятельств: только глаголы НСВ способны сочетаться с фазовыми глаголами и г.д., тогда как в литовском нет жестких ограничений такого рода (см. 3.5). Вместе с тем, оппозиция НСВ/СВ в высокой степени абстрактна (см. Схему 4 и комментарий к ней, а также выше приведенный четвертый критерий Ф. Лемана), так что отличия, обусловленные лексическими особенностями глаголов, отступают на задний план (хотя и не исчезают; см. 3.3–3.4). Такое положение дел соответствует "символическому способу выражения" ("symbolic expression"), который К. Леман [C. Lehmann 1995: 155] считает чертой поздних стадий грамматикализации. Ср.: "This [i.e. symbolic expression – Б.Б.] means that a grammatical category does not have a morpheme or segment reserved for its expression, but that it is embodied in the formal relation between the two alternative forms of a stem" (там же). Если мы готовы расширить это

⁷ Cp. [C. Lehmann 1995: 136]. "The most grammaticalized categories of a language system usually consist of a two-member paradigm, i.e. a binary opposition". См. также [Bybee 1997: 33 и сл.].

определение на соотношение между двумя (производящей и производной) основами (а не только на два флективных варианта одной основы), то не трудно убедиться, что оно идеально подходит к определению взаимоотношения между парными глаголами НСВ/СВ. Эта проблема будет обсуждаться подробно в разделах 3–5.

Данным критериям грамматикализации литовская глагольная морфология не удовлетворяет хотя бы по двум, скорее всего взаимосвязанным, причинам. Во-первых, разные и многочисленные способы аффиксации простых и сложных основ сами по себе не создают устойчивых и, тем более, дополнительно распределенных функциональных противопоставлений, а скорее мешают их установлению. Во-вторых, трудно найти такую пару глаголов, где в производном глаголе не обнаруживалась бы та или иная примесь семантической модификации в любом типе употребления (см. 3.5, 3.7 и раздел 4).

Можно пойти еще на один шаг дальше. Любопытно, что семантический коррелят "символического способа выражения" К. Леман [C. Lehmann 1995: 155 и сл.] описывает не столько как "fusion of a grammatical with a lexical meaning", сколько как "an increase in the dependency of the grammatical meaning on the lexical meanings which it is attached to". Именно это и характеризует славянский вид. Как мы отметили уже выше, с семантической точки зрения диапазон видовых функций глагола и сейчас зависит от его лексического значения. Эта черта, однако, не является особенностью славянского (а шире, классифицирующего) вида, а касается в принципе любой грамматической видовой системы, независимо от того, какими формальными средствами она выражается (см. выше упомянутый 'Relevance Principle'). В слитности видовой функции и лексического значения, о которой писала, например, Гловинская [Гловинская 1982: 47 и сл.], можно усмотреть лишь крайнюю степень проявления обсуждаемого свойства.

Данный подраздел можно закончить указанием на то, что в современном русском языке бинарное противопоставление глаголов НСВ/СВ стало использоваться для различения модальных значений и иллокутивных функций [см. примеры (1–3) в 3.2]. Это было не так еще в XVI–XVII вв. Таким образом, подобное расширение грамматической оппозиции можно отнести еще к одному принципу грамматикализации, введенному Трауготтом [Traugott 1988], который заключается в том, что вовлеченные в грамматикализацию единицы дополнительно развивают функции, относящиеся к прагматике речевой ситуации. Этот процесс сопровождается расширением сферы действия на уровне высказывания (propositional scope)⁸. Отличие славянского вида от случаев, приводившихся Traugott, состоит единственно в том, что подобное расширение касается не отдельных единиц, а самой оппозиции глаголов НСВ vs. глаголов СВ (и связанных с ней парадигм). Ничего подобного в литовском языке нельзя обнаружить (см. 3.5 и далее).

3. ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

3.1. Терминологические пояснения. Внутри понятийного поля 'аспектуальности' (англ. 'aspectuality', нем. 'Aktionalität') следует различать три понятия⁹. 'Вид' здесь понимается исключительно как грамматическая категория. Явления лексического обогащения производящих основ, в том случае, когда приставочные и суффиксальные глаголы

⁸ Подобное функциональное расширение можно усмотреть и в употреблении глаголов СВ для обозначения стативных ситуаций, типа *Дорога кончилась у опушки леса*. Эффект "фигуры наблюдателя" [Апресян 1983: 329 и сл.] возможен только на основании уже установленного грамматической видовой оппозиции: тип реальной ситуации не помещается в наборе примарных функций глаголов СВ (см. Схему 3) и возникающее таким образом противоречие разрешается за счет интерпретации, примиримой с данным выбором вида.

⁹ См. подробный обзор в [Бондарко 1987: 40 и сл.], а также [V. Lehmann 1999b: 217 и сл.].

имеют с синхронной точки зрения бесприставочные производящие основы, называются 'способами действия'¹⁰. Кроме того, любой глагол (независимо от того, существует ли в данном языке вид или нет) имеет то или иное лексически обусловленное аспектуальное значение (aspectual default). Этот факт описывается с помощью понятия 'акционального гештальта' (нем. 'aktionale Gestalt'). Этот термин был предложен Ф. Леманном. Он соответствует тому, что в англоязычной аспектологической литературе иногда называют "lexical aspect" [V. Lehmann 1992: 156 и сл.; 1999a: 216 и сл., 1999b: 217 и сл.; Wiemer 1997: 43].

3.2. О связи между лексическим толкованием и наборами функций, связанных с выбором вида. Поскольку 'вид' понимается здесь как грамматическая категория, а формальные способы видообразования оказываются не совсем однородными (см. раздел 2), необходимо оговорить, за какими функциональными признаками грамматический статус закрепляется. С современной точки зрения, исходным аргументом в пользу грамматического характера вида в русском и польском языках служит факт, что в принципе с выбором того или иного глагола – причем не только его спрягаемых форм – говорящий не может не сделать выбор между двумя оппозитивными классами в рамках одной части речи (подобно роду или числу). Более того, такой выбор связан с тем, что у любого русского (польского) глагола ограничивается взаимодействие с другими категориями предикатов – прежде всего с грамматическим временем, но также с наклонением и залоговыми характеристиками (см. ниже). Это – следствие того, что систематически противопоставляются два класса (= вида) глаголов, причем это деление пронизывает практически весь состав глагольных лексем этих языков независимо от того, вступают ли все глаголы в видовые пары или нет.

Для русского языка эти систематические, грамматически значимые ограничения хорошо известны. Если я их здесь все-таки еще раз обсужу, то по двум причинам: во-первых, для более наглядной сопоставимости с фактами литовского языка, которые будут показаны в 3.3. Во-вторых, потому, что критерии, на которые опирались исследователи, характеризую русскую (польскую) видовую систему или сопоставляя ее с литовским глагольным словообразованием, разнородны и нуждаются в известной иерархизации. Дело в том, что одна часть этих критериев тесно связана с лексической семантикой глаголов, а другая часть с межкатегорияльными парадигмами (вид, время, наклонение, залог и т.д.). Первую часть этих критериев, т.е. лексическое соотношение между глаголами НСВ и СВ, удобно и адекватно описывать на основании анализа их толкований [Гловинская 1982]. Однако для обоснования грамматического статуса вида нужно показать, что функциональное распределение глаголов обоих видов регулярно в том смысле, что их функции и взаимодействие с другими предикатными категориями лишь в малой степени обусловлены лексическим значением глаголов (ср. 1.2–1.3). Поэтому ключевое значение следует приписать условиям тривиальности соотношения в парах глаголов СВ/НСВ (см. ниже). Вместе с тем, синтаксические тесты, показывающие функциональное распределение глаголов СВ и глаголов НСВ, сами по себе позволяют только "поставить диагноз", но не объясняют, каким образом глагольное словообразование может (в диахронии) менять свой статус (от более лексического к более грамматическому) или сохранять свой прежний статус в языках с внешне очень похожей системой словообразования. Так, например, таксисные функции нужно понимать как следствие свойств, учитываемых в толкованиях, и потому они скорее надежные симптомы видовой системы (см. ниже). Однако для обоснования выводов о том, что в одном сопоставляемом языке вид существует, а в другом нет, они имеют подчиненный статус по сравнению с разбором лексического соотношения морфологически парных глаголов (см. разделы 4–5). Поэтому справедливо сказать, что только анализ лексического соотношения морфологически произ-

¹⁰ В толкованиях глаголов способом действия чаще всего соответствуют пространственные, качественные или временные компоненты

водящих и производных глаголов в м е с т е с рассмотрением регулярности и предсказуемости функций, возникающих из такого сопоставления на преобладающей массе глаголов, может предостеречь нас от соблазна смотреть на хуже описанный язык (литовский) сквозь призму видовой системы несравненно лучше изученного языка (русского). Иными словами: чтобы не описывать литовский язык через русский, "навязывая" этому первому чуждые ему функциональные оппозиции, необходимо обоснование этих оппозиций через какое-то *tertium comparationis*. Его дает общепризнанный "набор" видовых функций, используемый в типологии и аспектологии, и опыт толкования лексических единиц, которым обладает системная лексикография.

3.3. Наборы функций обоих видов в русском и польском языках. Итак, в русском и польском языках глаголы НСВ могут употребляться во всех трех временах, тогда как глаголы СВ ни при каких обстоятельствах не могут быть употреблены для обозначения действий, пересекающихся с моментом речи, а их спрягаемые формы с основой настоящего времени давно уже переосмыслены как (простое) будущее время. Наряду с этим, в русском языке только глаголы НСВ образуют "синтетический пассив" (на {s'a}), в то время как глаголы СВ способны к образованию лишь "аналитического пассива" (связка + причастие на {n/t}). Далее, только глаголы НСВ могут образовывать причастия действительного залога настоящего времени (на {ušč/ašč}). Аналогичным образом, деепричастия глаголов НСВ продуктивно образуются от основы настоящего времени (с окончанием на {a}), а деепричастия глаголов СВ – от основы прошедшего времени (на {v(ši)/gši/kši}). Что касается наклонения, то тенденцию к подобному дополнительному распределению русских и польских глаголов можно отметить также в императиве; ср., например, противопоставление по признаку [± контролируемость]:

(1a) <i>Не оборачивайся!</i>	[+ контроль у адресата]
(1б) <i>Не обернись случайно!</i>	[– контроль у адресата]
- (Аналогично в польском языке.)

Распределение по признаку [± деонтическая модальность] выявляется в таких близких к императиву формах, как инфинитив в сфере действия модального глагола (2) или предикатива вместе с отрицанием (3) (см. подробнее [Wiemer 2000b]):

(2a)	<i>На следующее занятие ваш сын может не придти</i>	
	→ разрешение, [+ деонтически]	
(2б)	<i>На следующее занятие ваш сын может не прийти</i>	
	→ вероятностное высказывание, [– деонтически].	
(3a)	<i>Окно нельзя открывать. (Врач запретил)</i>	[+ деонтически]
(3б)	<i>Окно нельзя открыть. (Сломалась ручка)</i>	[– деонтически].

Дополнительное функциональное распределение глаголов, управляемое их видовой принадлежностью, сужает не только возможности комбинации с другими граммемами, но позволяет также более однозначно определять аспектуальную функцию глагола в тексте: в прошедшем времени видовая принадлежность глагола позволяет различать таксисные ситуации 'цепочка событий', 'одновременные процессы' и 'наступление события на фоне длящегося процесса (или состояния)'¹¹.

¹¹ Различение этих таксисных ситуаций, впервые сформулированных Кошмидером [Koschmieder 1934], зависит, правда, еще от ряда других факторов (как языковых, так и внеязыковых [Wiemer 1997: 73–75]). Но для рассматриваемых вопросов ими можно здесь пренебречь.

Таким образом, на основании взаимодействия видовой принадлежности глагола с другими категориями, выражаемыми в формах глагола, создаются устойчивые наборы функций, разные для каждого класса глаголов (= вида):

Схема 2

Устойчивые наборы функций русских глаголов (1)

1. ограничения комбинаторики глаголов СВ и НСВ с членами других грамматических парадигм

	грамматическое время			пассив	причастия	
	прош.	наст.	буд.		наст./ действ.	деепричастия
НСВ	+	+	+	-ся	+	от основ наст. вр.
СВ	+	-	+	связка + при- частие на -н/т-	-	от основ ин- финитива

2. распределение глаголов НСВ и СВ по некоторым неассертивным контекстам

	императив + отрицание	в сфере действия модальных опера- торов + отрицание (внешнее или внутреннее)
НСВ	[+ контролируемость]	[+ деонтич.]
СВ	[- контролируемость]	[- деонтич.]

В принципе дополнительное распределение функций можно отметить и в области кратности (см. правую часть Схемы 3). Для обозначения неограниченно повторяемых действий (типа *каждый день, обычно*) могут употребляться только глаголы НСВ (ср. *Каждое утро Петя опаздывает!** *опоздает на работу*). Для обозначения нерегулярной кратности могут использоваться глаголы обоих видов, причем употребление СВ вносит оттенок "экземплярной наглядности" на основании пересмотра импликаций, задаваемых по умолчанию его видовой принадлежности: грамматическое событийное значение глагола СВ обычно имплицитно подразумевает однократность события, так что сочетание с обстоятельствами нерегулярной повторяемости вызывает сначала (мнимое) противоречие, которое разрешается в пользу событийной интерпретации каждого действия и их таксисных связей ("цепочки") в рамках нарративного эпизода. В этом смысле выбор глаголов СВ для обозначения реально многократной ситуации является маркированным по сравнению с выбором глаголов НСВ; ср.:

(4а) (...) *Бывало, в длинный зимний вечер **присядем** к круглому столу, **вытьем** чайку, а потом и за дело **примемся**.* (...) (Достоевский: Бедные люди)

(4б) → *присаживаемся... выпиваем чайку... за дело принимаемся...*

Наконец, глаголы обоих видов возможны в случаях ограниченной многократности, т.е. повторения действия в рамках одного интервала. И в этом случае, однако, выбор вида небезразличен для интерпретации внутренней структуры ситуации: глагол СВ вызывает "суммарное" понимание, т.е. объединение всех отдельных, повторяемых действий в один интервал; глагол НСВ такого эффекта не вызывает (ср. *Он три раза стучал / стукнул по двери; Не беспокойся, я этот анекдот расскажу / буду рассказывать еще сто раз*).

Сказанное подытоживает следующая схема.

Устойчивые наборы функций русских глаголов (2)

3. таксис и итеративность (хронологические функции)

	таксисные ситуации (в прошедшем времени)		кратность (повторяемость)		
			неогранич. (регуляр- ная)	нерегулярная	ограничен- ная (в одном интервале)
НСВ	параллель- ность	фон событие	+ (обязат.)	+ (нейтр.)	+
СВ	последоват.		—	+ (маркиров.)	+

Принято считать, что если один "комплект" функций из Схем 2 и 3 заполняется двумя глаголами разных видов, но с сохранением лексического значения, можно говорить о 'видовых парах' (напр., *заметить / замечать, убедить / убеждать, написать / писать, сказать / говорить, понравиться / нравиться*). В видовых парах, как правило, один из двух глаголов морфологически произведен от другого. Встречаются, правда, и супплетивные пары (ср. рус. *взять / брать, сесть / садиться, поймать / ловить*; пол. *położyć się / kłaść się, zobaczyć (ujrzeć) / widzieć*)¹². Однако решающим фактором для признания парности в конечном итоге является идентичность толкования обоих глаголов х о т я б ы в о д н о м из типов употребления. На это указал еще Маслов [Маслов 1948: 53]. Как операционный критерий он использовал один простой тест: глаголы СВ в прошедшем времени, изображающие цепочку последовательных (и одноразовых) действий, должны заменяться на соответствующие глаголы НСВ при переводе текста в настоящее время, представляющие ту же цепочку действий (ср. *Утром Петя проснулся, протер глаза, встал, умылся, позавтракал и пошел на работу* ⇒ *Утром Петя просыпается, протирает глаза, встает, умывается, завтракает и идет на работу*). Другой, еще более надежный тест на видовую парность состоит в проверке, может ли глагол НСВ быть использован в лексическом значении глагола СВ в многократных контекстах (ср. *Вчера вечером Петя позвонил домой* vs. *Во время каникул Петя каждый вечер звонил домой*). Если эти тесты проходят, они указывают на тривиальное соотношение парных глаголов СВ/НСВ¹³.

Тривиальное соотношение обусловлено следующими лексическими характеристиками глаголов: либо в значении глагола НСВ нет элементов, не свойственных также соотносительному глаголу СВ; если глаголы СВ/НСВ противопоставляются т о л ь к о по этому признаку, они образуют полностью тривиальную пару (ср. *принести / приносить, заметить / замечать, схватить / схватывать*). Либо такие элементы есть, но их легко подавить в пользу того же событийного значения, которое свойственно глаголу СВ. В таком случае видовая пара обнаруживает также и нетривиальное соотношение (например, соотношение между предельным процессом и достижением предела; ср. *писать / написать письмо, уговаривать / уговорить, переписывать / переписать статью*). В любом случае, тривиальное соотношение между глаголом СВ и глаголом НСВ становится необходимым критерием для признания видовой парности. Тривиальное соотношение дает также основание для объединения соответствующих глаголов в одну лексему.

¹² О том, что супплетивизм является лишним свидетельством того, что вид – категория грамматическая, было сказано уже в разделе 2.

¹³ См. [Булыгина, Шмелев 1989: 151; Зализняк, Шмелев 1997: 38 и сл.; Падучева 1996: 89 и сл.].

При этом существенно подчеркнуть, что глагол НСВ не является факультативным вариантом (или простым синонимом) парного глагола СВ: для обозначения повторяемого неограниченное количество раз действия и в нарративном настоящем может быть выбран только он. В литовском же языке такое соотношение найти трудно (см. 3.5–3.6).

3.4. Иерархизация функций. Значимость видовых оппозиций в области кратности и модальности, по-видимому, вторична по сравнению с распределением видов в области главных аспектуальных типов положения дел (событие, процесс, состояние), обуславливаемых ими таксисных функций и по ряду общепризнанных частных видовых функций. Эти функции можно называть примарными (см. Схему 4)¹⁴. В любом случае, вся совокупность первичных и вторичных функций видовой оппозиции создает своего рода парадигму, причем входящие в нее функции абстрактны и только косвенно и весьма условно выводятся из лексических различий глаголов.

Существенно далее подчеркнуть, что видовые пары создают лишь стержень грамматической категории вида. На современном этапе эволюции этой категории вырисовались комплементарные наборы функций, которым удовлетворяет практически любой глагол русского (польского) языка и которые являются комплементарными поднаборами из функций, объединенных в Схемах 2–3. Поэтому, если отвлечься от двувидовых глаголов, можно утверждать, что принадлежность каждого отдельного глагола к одному из двух видов не зависит от того, вступает ли он в пару или нет, т.е. обнаруживается ли у него лексически тривиальное соотношение с каким-нибудь глаголом оппозитивного вида¹⁵. Ведь как парные, так и непарные глаголы НСВ и СВ могут обладать только тем поднабором функций, которые свойственны либо НСВ, либо СВ. Важно, что вся совокупность глаголов языка по принадлежности к этим двум классам подвергается функциональному распределению по почти полностью дополнительному принципу¹⁶.

Распределение глаголов по их примарным, грамматически значимым функциям обобщается следующим образом:

Схема 4

Грамматические функции глаголов в видовых парах¹⁷

НСВ	1. итеративная: [– локализованность] = [больше одного раза]
	2. общефактическая ('хотя бы один раз')
	3. прогрессивная: [+ локализ.] ∧ [+ процесс ⊃ фазы] ∨ состояние: [– фазы]
СВ	событие: ([+ локализ.] = [+ один раз]) ∧ [ровно одна фаза].

Пояснения: Под 'событием' понимается любое положение дел, представляемое как состоящее из одной только фазы и поэтому нечленимое более на части. 'Процессом' считается положение дел, членимое на фазы, а 'состояние' не имеет никаких фаз [V. Lehmann

¹⁴ Леман [V. Lehmann 1999b: 221 и сл.] предлагает называть их "каноническими".

¹⁵ Поэтому данное утверждение верно также и для одновидовых глаголов, включая те, наличие видовой пары у которых оспаривается. Ср., например, соотношение между непредельными прогрессивными глаголами типа *играть*, *сидеть*, *разговаривать* и их делимитативными и пердуративными производными (*поиграть*, *просидеть (целый вечер)* и т.д.).

¹⁶ Леман [V. Lehmann 1997:56] по этому поводу писал: "...задача видовой деривации – образовать функционально оппозитивные парадигмы, которые предоставляют языковому коллективу возможность комбинировать как можно больше лексических значений с разными аспектуальными функциями".

¹⁷ Эти функции нагляднее всего проявляются в прошедшем времени, и в этом смысле их можно "вставить" в левую часть Схемы 1.1 Более подробно об аспектуальных и хронологических факторах, взаимодействующих с видом, см. [V. Lehmann 1999b:217–223].

1997: 58; 1999b: 218]. Событийный характер может быть первичен, т.е. основываться на лексическом значении (по умолчанию) глагола, или вторичен, т.е. получаться в результате грамматической рекатегоризации, т.е. такого процесса, когда глагол, лексически мотивированный процессной семантикой (и поэтому легко реализующий прогрессивную функцию), с помощью приставок переводится "в разряд" глаголов СВ. Ср., например, делимитативные глаголы типа *поиграть*, *почитать*, а также приставочные глаголы, образованные от некоторых глаголов разнонаправленного движения, как *сходить*, *съездить*. Таким образом, рекатегоризация состоит в том, что грамматическое поведение ("комбинаторика") такого глагола совпадает с поведением остальных глаголов СВ, независимо от его лексического значения (см. раздел 5). Кроме того, ситуации, вторично представляемые как нечленимые события, обозначаются глаголами СВ в так наз. суммарном или наглядно-примерном значении (см. 3.3).

3.5. Сопоставление с литовским языком. Иная ситуация представлена в литовском языке: грамматической категорией вида он не обладает. Это вытекает уже из того, что одного только сопоставления глагольных основ (производящей и производной) часто недостаточно для того, чтобы определить таксисные функции, различить разные краткие значения [см. пример (12)], а также выбрать тот или иной глагол в императиве и других неассертивных контекстах. Кроме того, в литовском нет ограничений на образование разных типов причастий, а общефактическое значение является частным значением в рамках парадигмы перфекта (связка + причастия на {*ęs / usi*}). Перфекту в русском и польском языках формального соответствия нет.

Проиллюстрируем сказанное сначала на причастиях. В принципе все глаголы, независимо от своего морфологического состава, образуют все причастия любого времени и любой залоговой ориентации. Другими словами: здесь не заметно никакого дополнительного распределения глагольных основ в зависимости от их деривационных соотношений. Ср. так наз. полупричастие ('*pusdalyvis*') [ГЛЯ 1985:298] от глагола *sujudinti* 'пошевелить': *Valančius valiūgiškai šyptelejo, vos sujudindamas lūpas* (Granauskas: Miškai) 'Валанčius вальяжно улыбнулся, едва **пошевеливши** [поморф. "**по/зашевеля**"] губами' (*judinti* 'шевелить' ⇒ *sujudinti* 'пошевелить'). Или причастие наст. вр. действ. залога глагола *suartinti* 'сближать-сблизить' (⇐ *artinti* 'то же'): *Prisiminimai – tarsi kapinės per Vėlines, akimirka suartinančios gyvuosius ir mirusiuosius* (Papievis: Triušio akys) 'Воспоминания – будто кладбище в день Поминовения усопших, на мгновение **сближающий** [поморф. "**сближающий**"] живых и мертвых'.

Далее, так наз. "совершенные" глаголы употребляются в контекстах неограниченной многократности. Это верно как в отношении финитных (9), так и нефинитных форм, например, при образовании пассива в (10):

(9) (...) *Ši elektrinė, nakties metu naudodama elektros energiją, Nemuno vandenį pakelia apie 100 metrų į atskirą saugyklą o dieną iš to pakelto vandens gamina elektros energiją* (Dienovidis, январь 1997)

– 'Эта электростанция, ночью используя электрическую энергию, **поднимает** [букв. "**поднимет**"] воду Немана на ок. 100 метров (и переводит) в отдельное хранилище, а днем из этой (таким образом) поднятой воды производит электрическую энергию'.

(10) *Žemės ūkio produkcija toliau buvo superkama pagal Vyriausybės dar iš dalies reguliuojamas kainas...* (Landsbergis: Lūžis)

'Сельскохозяйственная продукция и дальше **скупалась** [поморф. "**была скупима**"] в соответствии с ценами, частично еще регулируемые Правительством'.

То же самое верно по отношению к семельфактивным глаголам (с инфинитивным суффиксом {*elė / erė*}); ср. форму настоящего времени *žvangteli* 'брякает' (по форме собственно 'брякнет') в примере (20).

Вместе с тем, глаголы, называемые в литературе "несовершенными" (*eigos veikslas*), не заменяют глаголы "совершенные" (*ivykio veikslas*) в настоящем нарративном; ср.:

(11a) Jonas *parėjo namo, nusirengė, išgėrė pieno, atsigulė ir užmigo, kai gatvėje sprogo bomba*.

‘Йонас зашел домой, разделся, выпил молока, лег и заснул, когда на улице взорвалась бомба’.

(11b) Jonas *pareina namo, nusirengia, išgeria pieno, atsigula ir užmiega, kai gatvėje sprogs bomba*.

букв. ‘Йонас зайдет домой, разденется, выпьет молока, ляжет и заснет, когда на улице взорвется бомба’.

Пример (11b) мог бы быть сценической ремаркой (praesens scenicum).

Особенно часто аспектуально неоднозначными ("диффузными"; см. 4.2–4.3 и раздел 5) оказываются бесприставочные глаголы. Они не позволяют однозначно обозначить таксисные отношения; ср.:

(12) *Gerai, kad smarkiau ginčytis jis neturėjo jėgų. Kol baigiau visus darbus viršūnėje, vokiečiai visiškai neteko jėgų* [ср. пример (176)]

‘Хорошо, что для ожесточенных споров у него не было сил. Пока я закончил / заканчивал всю работу наверху, немец полностью лишился сил’

→ последовательность событий (‘А закончил’, а потом ‘Б потерял свои силы’) или наступление события на фоне (предельного) процесса (‘А заканчивал’, тем временем ‘Б потерял свои силы’)?

Так как союз *kol* ‘пока, когда’ сам по себе нейтрален к таксисным связям, только финитный глагол мог бы разрешить многозначность. Однако *baigiau* ‘я закончил / заканчивал’ ее не разрешает.

Нужно добавить, что в литовском языке также нет того абсолютного запрета на сочетаемость фазовых глаголов с инфинитивами, называемых "совершенными", который свойствен всем славянским языкам (ср. рус. *начать выйти, *перестать одсудить). В литовском языке многие приставочные глаголы сочетаются с фазовыми глаголами независимо от того, существуют ли к ним суффигированные или бесприставочные корреляты с идентичным или схожим значением (13) или нет (14–15); ср.:

(13) *Atsirado tiek daug ir pačių moderniausių ryšių komunikacijų, kurios žmonių bendravime baigia išstumti netgi epistoliarinį žanrą* (Kauno diena, № 12/1996)

‘Появилось так много и (к тому же) самых современных связей коммуникации, которые в общении между людьми перестает устранять [букв. ‘вытолкнуть, устранить’] даже эпистолярный жанр’.

stumti ‘толкать, выталкивать–вытолкнуть’ ⇒ *išstumti* ‘выталкивать’–‘вытолкнуть’ ⇒ *išstumdinėti* ‘то же (с дистрибутивным оттенком)’.

(14) (...) *Pradėjo atsiliepti ne vien architektai, bet ir dailininkai, rašytojai...* (Landsbergis: *Lūžis*)

‘Стали отзываться [поморф. ‘отозваться’] не только архитекторы, но и художники, писатели’

liepti ‘приказывать. велеть’ ⇒ *atsiliepti* ‘откликаться’–‘откликнуться’.

(15) (...) *Ji pasiėmė (...) apdžiūvusį buterbrūdą, paskubom sukramtė ir atsigulė, nedegdama šviesos, paskui tyliai gulėjo, užplūsta neaiškaus nejaukumo, maudė lagaminų išstampytas rankas, pasikišo jas po galva ir vėl klausėsi savo alsavimo, visai biagdama užmigti* (Granauskas: *Miškai*)

‘Она взяла (...) засохший бутерброд, разжевала его быстренько и легла, не зажигая при этом свет, потом тихо лежала, залившись неясным чувством недостатка уюта, разминала оттянутые от чемоданов руки, сунула их под голову и снова прислушивалась к своему дыханию, кончая засыпать [букв. ‘заснуть’] совсем’

migti ‘засыпать–заснуть’ ⇒ *užmigti* ‘засыпать–заснуть’ [ср. примеры (11)].

Многие приставочные глаголы, правда, присоединяют еще и суффиксы. Но эти глаголы чаще всего обладают тем или иным дополнительным семантическим компонентом, по которому они лексически отличаются от своих производящих основ [Galnaitytė 1963: 126 и сл.: 1966]¹⁸.

Далее, многие литовские глаголы, обозначающие эмоциональное или ментальное состояние (patikti 'нравиться', priminti 'напоминать', atsiminti, prisiminti 'вспоминать'), пропозициональную установку (sutikti 'соглашаться'), а также некоторые глаголы, называющие социальные или другие взаимоотношения (sutarti 'жить в согласии', sutapti 'совпадать'), могут употребляться не только для обозначения состояний, но и называть начало этих же состояний¹⁹; ср. употребление глагола *sutikti* в прошедшем (16a) и настоящем (16б) времени:

(16a) *Prieš trejus metus Kompozitorių sąjungos vadovybė pakvietė mane dalyvauti festivalio repertuaro komisijoje. Sutikau.* (...) (Kultūros barai, 12/1996)

‘Три года назад управление Союза композиторов пригласило меня участвовать в комиссии по фестивальной программе. Я **согласился**...’

(16б) *Masinės komunikacijos pasaulis, sutinkame su tuo ar ne, yra kartu ir mūsų pasaulis...* (Kultūros barai, 4, 1997)

‘Мир средств массовой коммуникации, **согласны** (поморф. "согласимся") мы с этим или нет, одновременно и наш мир...’

В отличие от русского языка в литовском и состояние, и начало этого состояния (событие) обозначаются одним и тем же глаголом²⁰. Иными словами: для данного типа аспектуальной ситуации название обеих ее частей не распределяется по двум морфологически соотносительным глаголам (как в русском и польском языках), а выражаются одним и тем же глаголом. Это явление наблюдается у большой группы глаголов, относящихся к перечисленным выше семантическим группам.

Правда, в литовском языке есть другой ряд морфологически соотносительных глаголов – чаще всего из тех же лексических групп, что и в русском и польском языках, – функции которых дополнительно распределяются по сопряженным компонентам одной и той же ситуации. Эти глаголы проходят тест Маслова на предельность²¹. Ср. такой стандартный контекст как *Aistė (visą dieną) rašė laišką, bet taip ir neparašė* ‘А. (весь день) писала письмо, но так его и не написала’, а также непридуманные примеры, в которых глаголы, создающие подобного рода словообразовательные пары, обнаруживают те же импликатуры resp. пресуппозиции по отношению друг к другу, что и их русские переводные эквиваленты²².

¹⁸ Кроме того, есть случаи образования суффиксального деривата непосредственно от бесприставочной основы; напр., *rašyti* ‘писать’ ⇒ *rašinėti* ‘пописывать’, *siūti* ‘шить’ ⇒ *siuvinėti* ‘пошивать’ (‘шить время от времени’), *vaikščioti* ‘ходить, гулять’ ⇒ *vaikštinėti* ‘похаживать, погуливать’), а также *kelti* ‘поднять / поднимать’ ⇒ *kilnoti* ‘то и дело, попеременно поднимать и опускать’. Как видно уже из этих примеров, значение производящих глаголов в производных модифицируется, так что о какой-либо видовой парности говорить не приходится. Бывает также, что суффиксированные глаголы служат производящими основами для приставочных глаголов [Galnaitytė 1963: 126; 1966: 153 и сл.], но опять-таки в производном приставочном глаголе значение производящей основы модифицируется, т.е. создается отдельная лексема (напр., *siuvinėti* ‘вышивать’ ⇒ *prisiuvinėti* ‘вышить много чего-л.’).

¹⁹ По классификации аспектуально релевантных ситуаций Броя эти глаголы относятся к группе инцептивно-стативных (ISTA); см. [Breu 1997].

²⁰ Чередование с *n*-инфиксом указывает только грамматическое время, а не аспектуальные различия.

²¹ У Броя они относятся к группе градуально-терминативных (= GTER); см. [Breu 1997].

²² Ср. также *laikyti-išlaikyti egzaminą* ‘сдавать-сдать экзамен’, *statyti-pastatyti namą* ‘строить-построить дом’, *spręsti-išspręsti (uždavinį)* ‘решать-решить (задачу)’, *stoti-įstoti*

(17a) *Saugumo rūsiuose mane vertė prisipažinti, **įtikinėjo** – netiesiogiai – kad aš varau į kapus tėvą. Įrodinėjo, kad tėvas irgi sėdi, ir aš turiu palengvint jo dalią, nežudyt jo fiziškai savo tylėjimu* (Kauno diena, март 1998)

‘В подвалах безопасности меня хотели заставить признаться, **убеждали** – косвенно – что я загонял отца в могилу. **Доказывали**, что отец тоже сидит, и я обязан облегчить его участь, не убивать его физически своим молчанием’

→ предельный процесс (ar įtikino? ‘убедил ли?’; ar įrodė? ‘доказал ли?’)

(176) *Gerai, kad smarkiau ginčytis jis neturėjo jėgų. Kol baigiau visus darbus viršūnėje, vokitietis visiškai neteko jėgų. Beveik prievarta **įtikinau** jį leistis žemyn, nes iki saulėlydžio buvo likusios trys valandos* (Lietuvos aidas, март 1996)

‘Хорошо, что для ожесточенных споров у него не было сил. Пока я закончил / заканчивал всю работу наверху, немец полностью лишился сил. Почти силой я его **убедил** спуститься, потому что до захода солнца оставалось три часа’

dft (→ событие, предел достигнут).

Таким образом, к глаголам, которые в литературе предмета называются “несовершенными” (‘eigos veikslas’), относятся и такие, которые способны обозначать процесс, стремящийся к тому или иному естественному пределу, а достижение этого последнего обозначается соотносительным глаголом “совершенным” (‘ivykio veikslas’). В тест на предельность эти глаголы могут быть включены потому, что создают они нетривиальные пары, т.е. их лексические толкования отличаются. Отличие это состоит в фокусации на разных компонентах толкования (см. раздел 4).

На этом, однако, сходство между литовскими и русскими (польскими) предельными парами и кончается, так как в русских и польских парах глагол НСВ может также выступать как полная лексическая “копия” своего эквивалента СВ, замещающая его в грамматических контекстах, в которых употребление этого последнего невозможно. Иными словами: такие пары в литовском языке не удовлетворяют условиям тривиальности, т.е. глагол “несовершенный” не способен обозначать то же самое событие, которое называется глаголом “совершенным”.

Чтобы подкрепить этот ключевой вывод, рассмотрим соотношение в уже приводившейся паре предельных глаголов *įtikinti* ‘убедить’ ⇒ *įtikinėti* ≈ ‘убеждать’. См. значение глагола *įtikinėti* в условиях настоящего исторического, как в следующем анекдоте:

(18) *Vyras **įtikinėja** žmoną: – Neleiskime Eglei tekėti už Gintaro, juk gali susirasti geresnį. – Žinai, jei būčiau paklausiusi tėvų, tai ir dabar senmergiaučiau.* (Caritas, ноябрь 1996 г.)

≈ ‘Муж **убеждает** [пытается убедить] жену: – Не позволим Эгле выходить замуж за Гинтара, она ведь может найти себе кого-нибудь получше. – Знаешь, если бы я (в свое время) послушала своих родителей, то я не была бы замужем до сих пор’.

Если мы заменили бы *įtikinėja* глаголом *įtikina* (что в принципе возможно), мы сделали бы вывод, что муж сумел убедить жену (и, тем самым, конец анекдота вступил бы в противоречие с его началом). Глагол *įtikinėti* такого вывода не допускает (и поэтому нет противоречия). Русский глагол *убеждать* в идентичном контексте может описывать как одно, так и другое, но из-за грамматических ограничений здесь нельзя употребить парный глагол *убедить* (см. 3.2).

Иными словами: в русском языке выбор глагола в предельной ситуации диктуется грамматическим контекстом и не оставляет свободы, в то время как

(1 *universiteta*) ‘поступать–поступить (в университет)’. В аспектологических работах таким парам всегда уделялось особенно много внимания, поскольку многие справедливо считают их одним из решающих моментов возникновения славянской видовой системы [Bergmel 1997: 143 и сл., 205 и сл., 391–396; Łaziński, Wiemer 1996: 102–105; Маслов 1959].

в литовском языке выбор зависит в первую очередь от тех лексических специфик, которые различают два соотносительных ("парных") глагола.

3.6. Взаимодействие с настоящим и прошедшим временами. Хотя этот обзор соотношений между формами, словообразовательными связями и функциональным распределением литовских глаголов неполный, он все-таки показывает, что нет какого-нибудь правила, по которому слова одного разряда ("вида", литовск. 'veikslas') заменялись бы словами другого разряда. Правда, когда есть приставочные глаголы, причисляемые к "совершенному" и по значению вроде совпадающие с соотносительными глаголами без приставок, эти приставочные глаголы как правило употребляются предпочтительно в настоящем нарративном. То же самое верно относительно семейств фактивных глаголов: см. *žvangtelėti* 'брякнуть' (← *žvangti* 'брякать, бряцать') в (20):

(19) – *Ko čia laukiam? – išgirsta* (= 'girdi) *nekantrius Fausto žodžius. Jaunuolis dygėdamasis dairosi po savo dirbtuvę. – Viskas sudvisę, suplėkė, net kvėpuoti nėra kuo, – bjaurisi ir, pripuolęs prie lango, pakelia* (= 'kelia) *jį tokia jėga, kad sužvanga* (= 'žvanga) *spalvoti stiklai ir metaliniai jų apkaustai* (V. Žilinskaitė: *Sešėlis*)

– Чего мы тут ждем? – слышит [поморф. 'услышит'] он нетерпеливые слова Фауста. Юноша воспаленно озирается по своей мастерской. – Все сгнило и покрылось плесенью даже дышать нечем, – с отвращением говорил он и, припав лицом к окну, поднимает [поморф. 'поднимет'] его с такой силой, что начинают звенеть [поморф. 'зазвенят'] цветные стекла и их металлические оковки'.

(20) (...) *Riauka lėta pakyla* (= 'kyla), *ir girdėti, kaip traška jo sąnarių kaulai. Jis nieko nepasako* (= 'nesako) *šuniui, nes jiedu jau seniai gyvena. Žvangteli* (= 'žvanga) *priemenės skląstis. Šuo gulasi ant slenkščio akmenų, – akmenų ilgai išlaiko dienos šiltį* (Granauskas: *Miškai*)

'Ряука медленно встает [поморф. 'встанет'], и слышно, как трескаются суставы ее костей. Он ничего не говорит [букв. 'скажет'] собаке, потому что оба живут уже давно. Звонит [букв. 'зазвенит', семейфакт.] засов двери в передней. Собака ложится на камень порога, – камни долго сохраняют тепло дня'.

Этот факт отмечали уже другие исследователи (см. еще обзор в [Safarewicz 1938:10 и сл.]) и находили в нем основание для выделения оппозиции между перфективным глаголом (с приставкой) и глаголом аспектуально неустойчивым. Такой вывод, скорее всего, оправдан. Но большинство исследователей использовало это наблюдение для утверждения, что в литовском языке устанавливается (или уже установилась) видовая оппозиция, не оговаривая при этом, имеет ли такая оппозиция лексический (т.е. ограниченный) характер или грамматический. Вместе с тем, как правило, не было замечено, что перфективация как таковая еще не влечет за собой возникновение перфективного вида – тем более, если она связана с изменением значений в производных глаголах.

Вследствие этого приходилось утверждать, что в литовском языке имеется большое количество "двувидовых" глаголов и что "видовая" принадлежность глагола меняется в зависимости от того, в каком грамматическом времени он употребляется (sic!). Так, например, глагол *ateiti* 'прийти, идти' относили к "совершенному виду", если он выступает в настоящем времени (*Žiūrėk, jis ateina* 'Смотри, он идет / приближается'), а к "несовершенному виду", если он употребляется в прошедшем времени (*Jis atėjo* 'Он пришел')²³. Ложность такой аргументации заключается в том, что грамматический характер оппозиции принимается за данное и не учитывается, что грамматический vs. лексический статус этой оппозиции поддается градации. Поскольку этот статус в литовском и русском языках разный, сопоставление литовского "вида"

²³ См. [Dambriūnas 1959; Galnaityte 1963: 130; Jakaitienė et al. 1976: 138 и сл.; Paulauskienė 1994: 295; Мустейкис 1972: 150].

с русской видовой системой часто сводилось к "подгонке" фактов под систему русского (или польского) языка²⁴.

3.7. Синкретизмы как признак продвинувшейся грамматикализации. Вернемся еще к наблюдению, касающемуся настоящего нарративного. Важно отметить, что тенденцию предпочтительного употребления глаголов с якобы "лексически опустошенной" приставкой (*pa-*, *su-*) в этом контексте – явление иного порядка, чем другие грамматические категории, как время и наклонение. Во-первых, тенденция употребления таких приставочных глаголов в настоящем времени не охватывает всех глаголов какого-нибудь четко определимого разряда, так как в ней участвуют глаголы довольно различных семантических и морфологических групп. Во-вторых, отмеченная тенденция не ведет к изменению функций самих взаимодействующих категорий времени и наклонения. Естественно предполагать, что отмеченное явление к изменению этих функций не ведет именно потому, что оно всего лишь тенденция, а не закономерность или правило.

Эти оговорки позволяют различать разные стадии развития в сторону грамматикализации аспектуальных свойств, которое в русском и польском языках близко к концу, тогда как в литовском оно до сих пор осталось на гораздо более "девичьей" стадии. Более продвинутый этап эволюции в славянских языках отражается в том, что видовая характеристика начала образовывать функциональные и формальные синкретизмы ("кластеры") с другими парадигмами форм и функций, см. 3.3–3.4, где были обсуждены синкретизмы, т.е. имплицативные связи, между видом и грамматическим временем, наклонением и залогом. Кроме того, были упомянуты формальные синкретизмы между выбором вида и типами причастий и деепричастий (ограничения на выбор основы инфинитива или настоящего времени). Все это синкретизмы на уровне как форм, так и функций. В литовском языке, как было показано, никаких таких ограничений нет, синкретизмов на уровне грамматических парадигм не обнаруживается. Поэтому выбор глагола из пары производящего–производного продолжает подчиняться практически полностью лексическому потенциалу каждого глагола. И поэтому богатый и продуктивный набор аффиксов литовского языка приходится охарактеризовать как чрезвычайно развитую систему способов действия, которая не выкристаллизовалась, однако, до сих пор в систему видовых оппозиций, удовлетворяющих условиям грамматикализации, которые обсуждались в разделах 1–2.

3.8. Выводы. Факты, показанные выше, нуждаются в уточнении. Общая картина, однако, ясна. Проанализированные примеры позволяют сделать вывод, что даже те глагольные пары литовского языка, которые по своей форме, по своему аспектуальному поведению и по соотношению лексического значения больше всего напоминают русские видовые пары, таковыми считаться не могут, потому что нет ни одного типа контекста, в которых лексические различия снимались бы полностью и в которых выбор одного глагола из пары обуславливался бы лишь грамматическими соображениями. Разница в смысле доказывает, что толкования морфологически соотносимых глаголов не могут быть совсем тождественны. Более того: что ни в одном контексте (даже в настоящем историческом и в контексте многократности) они не могут быть тождественны.

В остальных аспектуальных классах глаголов либо не наблюдается никакого парного соотношения, либо употребление морфологически производных глаголов возможно лишь факультативно, но, снова-таки, не подлежит каким-нибудь правилам, делающим выбор одного из двух глаголов обязательным в каком-нибудь контексте.

В общей сложности оправдано утверждение, что в литовском языке нет пар, отвечающих условиям тривиальности (тривиальной замены). А эти условия являются предпосылкой для того, чтобы два морфологически соотносительных глагола создавали одну сложную парадигму, в которую входят как видо-временные характеристики, так и наклонение и залог.

²⁴ Подобное обобщение высказал и Кренцле [Kränzle 1997: 137].

В следующем разделе мы ближе присмотримся к лексическим соотношениям морфологически соотносительных глаголов с тем, чтобы выявить единую лексикологическую основу одного из решающих факторов развития славянской видовой системы и его проявлений в современном состоянии литовского языка, а также чтобы указать на "отголоски" такого состояния в современном русском языке.

4. ЛЕКСИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ

Полностью тривиальные пары, в которых значение глаголов НСВ и глаголов СВ во всех контекстах имеет одинаковое толкование (как *прийти / приходит, заметить / замечать, споткнуться / спотыкаться* и т.п.), составляют меньшинство. В большинстве же случаев пары не вполне тривиальные, потому что в них хотя один глагол и толкуется через значение другого, но при этом включает в себя тот или иной семантический прирост. Эта семантическая "надбавка" может мешать реализации тривиального значения. Какой из двух глаголов при этом трактуется как семантически более сложный, для излагаемых здесь рассуждений не имеет особого значения. Ср., например, соотношение в *отговорить / отговаривать*. Значение глагола НСВ *отговаривать* полностью входит в значение СВ *отговорить*, но не исчерпывает его. Гловинская [Гловинская 1982: 89–91] относит эту пару к семантическому типу 'действовать с целью – цель реализована'; ср. предложение с глаголом СВ:

(21) *X отговорил Y-а от рискованной поездки.*

Тривиальное употребление НСВ *отговаривать* повторяет это значение без какой-либо "примеси"; функция обозначения многократного действия типа *отговорил* не влияет на лексическое значение, а связана со своего рода оператором, сфера действия которого охватывает всю пропозицию (предложение) в целом, как бы извне. То же самое касается нарративного настоящего. Поэтому можно сказать

(22) *X отговаривал Y-а от рискованных поездок,*

имея в виду, что 'X многократно преуспевал в том, чтобы отговорить Y-а от рискованных поездок (каждый раз от другой рискованной поездки)' ($\equiv$ 'X действовал на Y-а с целью Р и эта цель каждый раз была реализована, т.е. Y не ехал в планируемые им поездки из-за уговоров X-а'). Однако *отговаривать* допускает и нетривиальное употребление, в соответствии с которым предложение (22) – особенно если дополнение стоит в единственном числе (*от поездки*) – можно понять как 'X в какой-то один промежуток времени действовал на Y-а словами (аргументами) с тем, чтобы склонить или убедить Y-а не ехать в планируемую им (рискованную) поездку' ($\equiv$ 'X действовал на Y-а с целью Р'). Нетривиальный прирост значения состоит в вводе некоторого (квази)процессного компонента в предельное значение, и в данной видовой паре только глагол НСВ способен выражать этот дополнительный компонент²⁵.

Если в русском и польском языках наличие нетривиального соотношения между глаголами пары может усложнять тривиальное употребление глагола НСВ, то в литовских парах вообще нет никакого тривиального соотношения (см. 3.5–3.6). Лексическое соотношение литовских "парных" предельных глаголов (типа *įtikinti-įtikinėti*) сводится к различиям в асертивной части (фокусе) толкования, т.е. в том, что

²⁵ Во многих подобного рода парах глагол НСВ (по крайней мере в прошедшем времени) может приобретать конативную импликацию ('X пытался сделать Р, но ему это не удалось'). Такая импликация влечет за собой различные последствия на прагматическом уровне, которые в той или иной степени должны быть учтены в толкованиях. Здесь вникать в эту проблему глубже не будем (см. об этом [Wiemer 2000a]), поскольку для сопоставления с литовским языком достаточно заметить, что подобные импликации могут возникать в парах типа *rašyti-parašyti* 'писать / написать', *įtikinti-įtikinėti* = 'убедить / убеждать', напоминающие и морфологически и семантически соотношение между ближайшими русскими эквивалентами (см. 3.5).

собственно утверждается: почти все компоненты значения у обоих глаголов общие, но различно соотношение между пресуппозитивной, ассертивной и имплицативной частями толкования. Между НСВ и СВ в предельной паре устанавливается нетривиальная, но регулярная обоюдная связь, которую в обобщенном и несколько упрощенном виде можно сформулировать так: процесс, фокусируемый в значении НСВ, имплицитует естественный предел, а этот предел, фокусируемый парным глаголом СВ, пресуппонирует предшествующий предельный процесс (см. [Wiemer 2000a]). На этом соотношении и "оперируют" известные тесты на предельность (см. 3.5). Пары этого типа чрезвычайно "разношерстны"²⁶: лексическое соотношение между парными предельными глаголами настолько разнообразно, что бывает трудно подвергнуть их какому-то одному лексикологическому описанию (см. подробнее [Wiemer 2000a; Вегу 1980:205–210; Гловинская 1982:71–115].) Единственная основа, оправдывающая объединение их в видовые пары, – это вновь их функциональное распределение, связанное с критериями тривиальности.

4.1. Модификация, фокусация и контурация. На этом фоне рассмотрим теперь вопрос, каково может быть нетривиальное соотношение между толкованиями производной и производящей единиц. Ответ на этот вопрос должен помочь нам понять, как, скорее всего, изначально выглядели лексические операции, которые содействовали возникновению современной видовой системы в славянских языках и как они отражаются еще в современном состоянии литовского языка (и отчасти в самих славянских), а также – как они могут описываться с помощью толкований. При этом главный упор мы будем делать на соотношении бесприставочных глаголов с их приставочными дериватами.

Описывать смысловое соотношение между морфологически соотносительными глаголами удобно с помощью понятия "функциональных операций", недавно введенного в научный оборот Ф. Леманом [V. Lehmann 1996; 1999a : 232–252]. Под "функциональными операциями" (ФО) он понимает "общие принципы, по которым изменяются значения в семантическом инвентаре какого-нибудь языка" [V. Lehmann 1996 : 255]. Их экспликация опирается на опыт толкования московской лексикологии, в первую очередь на работу Апресян [Апресян 1995a]. Однако, в отличие от Апресяна и его последователей Леман применяет эти принципы не только к вопросам словообразования и полисемии на синхронном уровне какого-нибудь языка, но и к диахроническому развитию в составе лексических единиц языков. ФО в принципе придуманы и для описания изменений в грамматических системах, но в этой области они пока что оказываются относительно мало использованными (за исключением, пожалуй, эволюции видовой системы; ср. [V. Lehmann 1999a; Mende 1999].

Леман оперирует семью ФО, но нас здесь будут интересовать только три, а именно: 'модификация', '(ре)фокусация' и 'контурация'. Для того, чтобы лучше уяснить себе эти термины, рассмотрим, как явления, которые ими называются, отражаются на семантическом соотношении морфологически парных глаголов как в литовском, так и в русском и польском языках.

Модификация может состоять либо в добавлении, либо в устранении какого-нибудь элемента в толковании производной единицы, либо в замене одного элемента другим. Наверное, наиболее известный случай модификации в области глагольного словообразования представляют собой так наз. способы действия (в их традиционном понимании; см. 3.1). Способы действия – морфологически маркированные (чаще всего с помощью приставок) модификации лексического значения производящего (как правило бесприставочного) глагола; напр., *искать* 'стараться найти что-либо спрятанное, потерянное, скрытое' ⇒ *разыскивать* 'усиленно и на большой территории стараться

²⁶ Другие пары этого типа: русск. *убеждать* / *убедить*, *строить* / *построить* дом, *добиваться* / *добиться* визы, *решать* / *решить* задачу; пол. *namawiać* / *namówić* 'уговорить / уговаривать', *zdawać* / *zdać egzamin* 'сдать / сдавать экзамен', *dowiadawać się* / *dowiedzieć się* 'узнать / узнавать' (ср. также сноску 22).

найти что-либо спрятанное, потерянное, скрытое'. Или: *солить* 'класть соль в пищу' ⇒ *пересолить* 'положить слишком много соли в пищу'; *идти* ≈ 'передвигаться определенным образом так, чтобы оказаться в каком-то месте' ⇒ *перейти (через площадь)* 'передвигаться определенным образом так, чтобы преодолеть какое-то пространство' + 'преодолеть это пространство'. (Часть после '+' в этом толковании появляется потому, что данный глагол принадлежит к СВ, так что ассертивный фокус его значения охватывает и предел.) Способы действия представляют собой частный случай модификации, который можно назвать 'включением'. В этом случае все значение семантически производящей единицы входит в значение производной единицы, а в этой последней появляются дополнительные компоненты.

(Ре)фокусация отличается от модификации тем, что состав компонентов в толкованиях сопоставляемых единиц не меняется, зато между хотя бы двумя компонентами происходит перемещение акцента. Иными словами: весь состав компонентов производящей и производной единиц совпадает, но внутреннее соотношение этих компонентов и их "удельный вес" отличаются. Поэтому уместно говорить о перемещении лексического фокуса (ассерции). Подобный сдвиг наблюдается как раз у предельных видовых пар русского и польского языков, в которых глагол НСВ способен обозначать процесс, который имплицитно естественный (внутренний) предел, а этот последний обозначается парным глаголом СВ. Так же ведут себя лексические парные эквиваленты в литовском языке (см. 3.5). В терминологии когнитивной лингвистики перемещению фокуса соответствует '(ре)фокусация' или '(ре)профиляция', т.е. это, по сути дела, перераспределение фигуры ("гештальта") и фона²⁷. Для краткости я в дальнейшем буду говорить просто о 'фокусации'.

Наконец, 'контурация' – это процесс и результат устранения диффузности, свойственной производящей единице (или исходному значению); производная единица соответственно называется 'контурированной'. Диффузность отражается в наличии двух или более вариантов значения, причем равноправных. В толковании ее символизирует элемент 'и / или' (или '∨'), причем компоненты, стоящие по обеим сторонам знака дизъюнкции, представляют собой варианты, которые на синтагматическом уровне (в предложении) могут быть выражены совместно (один за другим)²⁸. Диффузным является, например, литовское вопросительное местоимение *kas* (и все производные от него неопределенные местоимения *kai kas*, *kas nors*, *kaž(in)kas*) по сравнению с его русскими эквивалентами *кто* и *что*. Эти местоимения как раз соответствуют каждое одному из вариантов диффузного значения лит. *kas* 'кто ∨ что', которые могут реализоваться в рамках одного предложения (напр., *Kas atėjo ir ką atnešė?* 'Кто / что пришел / пришло и кого / что принес / принесло / принесли?'). У глаголов диффузность может быть не только лексической, но и аспектуальной. Диффузны как раз аспектуальные функции большого количества литовских глаголов, которые в прошедшем времени по умолчанию обозначают событие (*l susirinkimą jis atėjo pavėluotai* 'На собрание он пришел с опозданием'), а в настоящем (ненарративном) времени реализуют прогрессивное значение (*Ziūrėk, va jis ateina* 'Посмотри, вот он идет' [поморф. 'придет']). Об аспектуальной диффузности в принципе шла речь уже в 3.5. Ниже мы сосредоточимся на лексической диффузности, чтобы затем показать, каким образом устранение лексической диффузности может повлиять на устранение аспектуальной диффузности²⁹.

²⁷ Поскольку элементы ситуации (положения дел), которые эксплицируются компонентами толкования обоих глаголов в паре, предстают как 'фигура' и 'фон' и расположены друг к другу по смежности, в данном соотношении можно, если угодно, усмотреть частный случай метонимии. Но здесь этот вопрос хотелось бы оставить в стороне.

²⁸ См. [V. Lehmann 1996: 279 и сл.; Урысон 1997], где, однако, перепутаны включительная (инклюзивная) и исключительная дизъюнкции.

²⁹ То, что аспектуальные и собственно лексические компоненты в толковании следует разъединять, убедительно показала Гловинская [Гловинская 1982: 37 и сл.].

диффузностью и полисемией установить бывает трудно (см. ниже). Ср. другие лексически диффузные бесприставочные глаголы в литовском языке:

- (24а) *keisti* ‘менять, разменивать (= *iškeisti*), изменять, заменять (= *pakeisti*)’
(24б) *kratytis* ‘избавляться (= *atsikratyti*), избегать, отказываться’
(24в) *kraustyti* ‘переезжать (в новую квартиру = *persikraustyti*)’
(24г) *leisti* ‘пускать, пропускать (= *praleisti*), издавать (= *išleisti*), отпускать, увольнять (= *atleisti*), прощать (= *atleisti*)’
(24д) *lenkti* ‘гнуть, сгибать (= *sulenkti*), отгибать (= *nulenkti*), обходить (= *aplenkti*), перегонять (= *aplenkti*), превосходить (= *aplenkti*)’
(24е) *skirti* ‘делить, выделять (= *išskirti*, *paskirti*), отделять (= *atskirti*), разделять (= *išskirti*), назначать (= *paskirti*)’
(24ж) *taikytis* ‘приспосабливаться (= *prisitaikyti*), мириться (= *susitaikyti*)’
(24з) *veikti* ‘действовать, преодолевать (*įveikti*), влиять (= *paveikti*)’.

В отличие от типичного случая модификации глаголы, соотносимые как лексически диффузный и контурированный глаголы, при замене в одинаковом контексте (предложении) не ведут к изменению смысла высказывания. Однако объем возможных контекстов, в которых может употребляться диффузный бесприставочный глагол, больше, чем у контурированного приставочного деривата. Так, например, у *рвать* больше возможных контекстов, чем у *сорвать* / *срывать*, *оторвать* / *отрывать*, *вырвать* / *вырывать* и *разорвать* / *разрывать*, вместо которых может быть употреблен бесприставочный *рвать*³⁰; ср.:

- (25а) *Смотри, никто не рвет этот одиночный гриб* (= ‘срывает’)
(25б) *Смотри, хулиган рвет афишу со стены* (= ‘срывает’, в разговорной речи)
(25в) *Осторожно, ребенок рвет пуговицу с рубашки* (= ‘отрывает от’)
(25г) *Не входи в комнату! Врач рвет зуб* (= ‘вырывает’)
(25д) *Несколько раз начинала она свое письмо, – и рвала его* (= ‘разрывала’)
(Пушкин; пример из МАС).

Из этого вытекает, что бесприставочные диффузные глаголы и их контурированные приставочные производные не вступают в дополнительное распределение. В отличие от этого при модификации производящий и производный глаголы не могут заменить друг друга в каком-то одном значении. Ср.

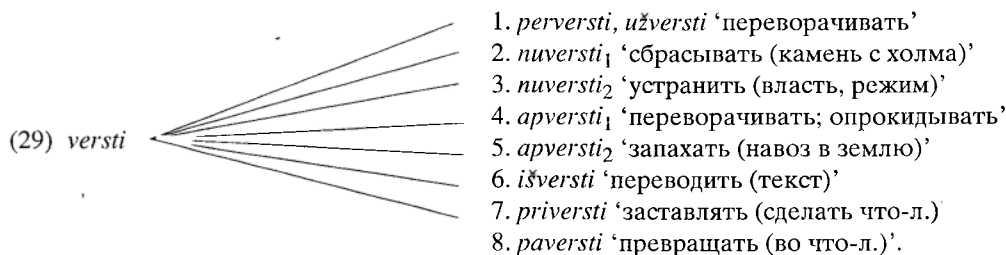
- (26) *Террористы взрывают / взорвали (’’рвут / ’’порвали) мост.*
(27) *Она пишет / написала письмо ≠ Она переписывает / переписала письмо.*
(28) *Он идет / пошел к зданию парламента.*
≠ *Он переходит / перешел к зданию парламента.*

Примеры с *рвать* показывают, что контурация может касаться более, чем одного варианта значения диффузного глагола. Тогда диффузному глаголу противостоят два приставочных глагола (или даже больше). Два производных образуются прежде всего тогда, когда у диффузного глагола ровно два варианта, создающих антонимию. В современном русском языке таких глаголов нет, но в литовском можно указать на следующие примеры: *jungti* ‘включать √ выключать’ ⇒ *įjungti* ‘включать’ vs. *išjungti*

³⁰ В толкование *рвать* входит примерно такая формулировка: ‘резким движением отделить от какой-нибудь (вертикальной или горизонтальной) поверхности √ вынимать из почвы или какой-нибудь другой основы √ разъединять какой-нибудь цельный предмет’. В толкованиях его приставочных дериватов мы найдем тогда: *оторвать* ‘резким движением отделить от какой-нибудь поверхности’, *сорвать* ‘резким движением отделить от какой-нибудь поверхности’, *вырвать* ‘резким движением вынимать из почвы или какой-нибудь другой основы’, *разорвать* ‘резким движением разъединять какой-нибудь цельный предмет’.

‘выключать’, *rengtis* ‘одеваться ∨ раздеваться’ ⇒ *apsirengti* ‘одеваться’ vs. *nusirengti* ‘раздеваться’, *daryti duris* ‘открывать ∨ закрывать дверь’ ⇒ *atidaryti duris* ‘открывать дверь’ vs. *uždaryti duris* ‘закрывать дверь’, *lipti* ‘садиться [поморф. ‘лезть’] (в автобус) ∨ выходить (из автобуса)’ ⇒ *ilipti (i autobusą)* ‘садиться (“влезать”) в автобус’ vs. *išlipti (iš autobuso)* ‘выходить (“вылезать”) из автобуса’³¹.

Картина осложняется по крайней мере двумя обстоятельствами. Во-первых, контурация бесприставочного глагола может сопровождаться модификацией и фокусацией. Во-вторых, продукты модификации и фокусации, существенно отдаляясь от значения мотивирующей основы, могут лексикализироваться. Так, например, лит. *versti* имеет широкую “палитру” значений, из которых исходным, по-видимому, приходится признавать конкретное значение ‘переворачивать, скидывать’ (например, *камень*). Этому значению соответствуют дериваты *apversti₁*, *perversti*, *užversti* ‘переворачивать’ и *nuversti₁* ‘скидывать, сбрасывать’. Но от *versti* существуют еще производный *apversti₂* со значением ‘запахать (навоз в землю)’, видимо возникшим через метонимическую (или синекдохическую) ассоциацию с пере- или об-ворачиванием почвы на поле (*ap-* = *o(b(-*, и производный *nuversti₂* в значении ‘устранить, свергнуть власть (правительство и т.п.)’, связанный с конкретным значением *nuversti₁* скорее всего метафорическим переносом. Кроме того, от *versti* образованы приставочные *išversti* ‘переводить (текст)’, *priversti* ‘заставлять, принуждать’ и *paversti* ‘превращать (во что-л.)’, в которых предположительно первоначальное конкретное значение *versti* утрачено или по крайней мере сильно затемнено. *Priversti* и *paversti* к тому же близки к вспомогательным глаголам (сочетаемость с инфинитивом). Помимо всего этого само *versti* продолжает употребляться во всех названных семи значениях; ср.

Versti можно расценивать как лексически диффузный глагол по сравнению с дериватами *perversti*, *užversti*, *nuversti₁* и *apversti₁*. Т.е. в деривации *versti* ⇒ *perversti*, *užversti*, *nuversti₁*, *apversti₁* можно усмотреть пример подчеркивания и, тем самым, повторения семантикой приставки одного из элементов толкования *versti* в данном значении; т.е. эти приставки в данных случаях контурируют заложенное в *versti* конкретное значение. По отношению к остальным дериватам *versti* предстает как полисемический глагол.

Что касается аспектуального поведения, то – помимо отсутствия надежных статистик – можно сказать, что бесприставочные глаголы типа *versti* во всех своих значениях регулярно употребляются в большинстве аспектуально релевантных контекстов, довольно свободно “заменяя” производные приставочные глаголы. Правда, наблюдается тенденция к использованию именно этих дериватов не только тогда, когда необходимо однозначно обозначить, какое из лексических значений, заложенных в бесприставочном глаголе, актуализируется, но и тогда, когда нужно подчеркнуть

³¹ Определенную трудность составляют однонаправленные глаголы движения (типа *идти*) и их каузативные соответствия (типа *нести*), поскольку в их значении может контурироваться либо начало движения, либо его конец. Эта проблема заслуживает более подробного анализа.

потенциальность действия (напр., *Jis išverčia bet kokį tekstą* 'Он переводит / переведет какой угодно текст') или его результат, безразлично к кратностным характеристикам изображаемой ситуации (ср. *Poeziją jis verčia puikiai* 'Поэзию он переводит великолепно' vs. *Užsakytus jam tekstus jis visada išverčia sutartu laiku* 'Заказанные ему тексты он всегда переводит в срок').

Как отмечалось в 3.5–3.6. аспектуальные функции глаголов, вступающих в морфологические пары, внешне похожие на русские (польские) видовые и частично ведущие себя так же как они, не распределяются дополнительно именно потому, что лексические различия между ними никогда не стираются полностью. Только что проделанный анализ с применением трех ФО позволяет дать этому наблюдению лексикологическое объяснение. Префиксация лексически диффузных бесприставочных основ может привести к строго дополнительному аспектуальному распределению с приставочным дериватом только в том случае, если снимается лексическая диффузность также и у бесприставочного глагола. При этом в процессе, ведущем к появлению производного глагола с приставкой, не должна участвовать модификация. Тогда, т.е. если оба глагола (производящий и производный) контурированы и заодно описывают принципиально одну и ту же ситуацию (т.е. их толкования содержат одинаковое количество общих нетривиальных компонентов), различие между ними будет сводиться либо к результатам фокусации (каждый глагол имеет разный ассертивный фокус), либо к полной лексической синонимии. Первый случай представлен в русских собственном предельных парах (типа *строить / построить, доказать / доказывать*), второй лежит в основе чисто тривиальных пар типа *прийти / приходиться, заметить / замечать*. Оба случая объединяются тем, что для них можно найти общий набор аспектуальных функций, установимых из выбора глагола (из пары) с взаимно исключающими "поднаборами" функций для каждого глагола в паре (ср. 3.3).

Для истории русского языка случаи контурации бесприставочного глагола были упомянуты – хотя и под несколько другим углом зрения и в другой терминологии – в работах [Вreu 1980: 201 и сл.; 1984: 132–137; 1992: 121 и сл.; Bermel 1997: 290–298]. Подобным образом, еще в 50-е годы было замечено, что значение приставки может совпадать с одним из вариантов значения бесприставочного глагола и что этим следует объяснить якобы "нулевой" эффект так наз. "чистовидовых" приставок (см. обзор в [Кронгауз 1998: 81 и сл.]). По работе Авиловой [Авилова 1964] можно судить, что лексически диффузных бесприставочных глаголов в русском языке было гораздо больше еще в XIX веке; ср., например, *нудить* (= *принуждать*), *щитить* (= *защищать*), *полнить* (= *наполнять, переполнять, заполнять*), *крыть* (= *покрывать, закрывать, скрывать*), *винить* (= *обвинять*), *греть* (= *согревать*), *страшить* (= *устрашать*) [Авилова 1964: 12–21].

Это историческое состояние достаточно верно отражает современную ситуацию в литовском языке. Иначе говоря: в литовском языке по большому счету сохранилось архаичное лексическое соотношение между глагольными основами и их дериватами. Здесь уместно напомнить, что "техника" аффиксации в литовском и славянских языках одинаковая и в течение веков не изменилась. Все эти доводы вместе дают основание предполагать, что тщательное изучение литовского глагольного словообразования, если оно будет вестись с систематическим учетом связанных с ним функций и с лексикологической точки зрения, поможет прояснить эволюцию видовой системы в русском и других славянских языках.

4.3. Диффузность и "тройки" в современном русском языке. Остается теперь показать, как с этими выводами согласовывается современное положение видообразования в русском и польском языках. В них лексически диффузные бесприставочные глаголы не исчезли совсем. Ср., напр., *резать* и его производные в [ТКС 1984] и *рвать* с примерами, приведенными в (25). Другие примеры: *крепить* (*знамя, плакат*), *ломать* (*шоколад*), *вязать* (*арестованного*), *копать* (*картошку*).

О существовании лексически диффузных глаголов можно судить косвенно также по

недавней работе [Апресян 1995]. В ней автор обратил внимание на проблемы лексикографической трактовки хорошо известных "троек" типа *множиться – умножиться – умножаться*, в которых участвуют по два глагола НСВ с одинаковым или почти одинаковым значением. Анализируемое Апресяном явление подпадает под обсуждаемые здесь лексические механизмы, содействующие видообразованию. Сам он, правда, не отказывается от характеристики русской видовой системы как словоизменительной³². Но такой взгляд вызван, скорее всего, традиционным представлением о том, что словообразование не может приобретать грамматического характера (см. 2.1), и не отменяет того факта, что вид определяется в русском языке выбором глагольной основы, а не посредством прибавления какого-нибудь флективного аффикса. Особенность троек заключается единственно в том, что нарушается принцип парности и что перед лексикографом (и лексикологом) стоит задача обосновать, какому из двух конкурирующих глаголов НСВ следует отдать предпочтение как менее "ущербному" в образовании парадигмы совместно с глаголом СВ.

Решая именно эту задачу, Апресян приходит к выводу, что такие тройки нужно разделить на четыре группы. Из них первая отличается тем, что приставочный глагол НСВ является вариантом бесприставочного, поскольку он лексически и по своим синтаксическим свойствам не отличается от бесприставочного глагола НСВ, но он стилистически отмечен и, вместе с тем, менее употребителен и обладает не всеми функциями, которые свойственны конкурирующему бесприставочному глаголу НСВ. Из примеров Апресяна можно привести: *лепить (великана из снега) – слепить – слепливать, бить (Часы бьют полночь) – пробить – пробивать, слушать (курс лекций) – прослушать – прослушивать, вязать – связать – связывать* (там же: 109). В них соотношение бесприставочных глаголов НСВ и приставочных дериватов СВ близко к описанному выше соотношению литовских бесприставочных и образованных от них приставочных глаголов (*keisti – pa-lap-lis-keisti, jungti – išjungti / įjungti* и т.д.). Однако этот лексикологический тип в русском языке представлен относительно небольшим числом троек. Самым многочисленным из четырех лексикографических типов троек оказывается третий подтип, в котором приставочный и бесприставочный глаголы НСВ существенно отличаются по смыслу, а видовую пару с глаголом СВ образует только глагол НСВ с приставкой³³. См. примеры: *гореть – сгореть / сгорать, травить (крыс) – отравить / отравлять, чесать – расчесать / расчесывать*. Характерно, что "большинство глаголов этого подтипа обозначают изменение физического состояния объекта" [Апресян 1995: 112].

Результаты анализа Апресяна показывают, что в русском языке лексическая модификация при приставочной деривации и фокусация в рамках создаваемой пары глаголов с одинаковой приставкой приводят в большинстве случаев к лексическому отрыву бесприставочного глагола от такой пары. Об этом свидетельствует количественный перевес третьего подтипа троек (того, в котором собственно видовая пара образуется только с вторично суффиксированным глаголом) над первым (в котором в собственно видовую пару входит исходный глагол без приставки). Суть префиксации в третьем подтипе состоит в модификации значения бесприставочной основы, как это имеет место в подавляющем большинстве случаев, когда к основе добавляется приставка. Там, где этого не происходит и образуется пара из бесприставочного глагола и приставочного деривата (первый подтип Апресяна), префиксация маркирует контурацию, которая в дальнейшем может превратиться в фокусацию (см. 4.1). А это

³² См. [Апресян 108]. Стоит отметить, что те же самые принципы "использования не-собственной формы", которые Апресян выявляет для соотношения обоих глаголов НСВ в подобных тройках, он в равной мере относит и к общепризнанным словообразовательным явлениям, например, для тех, которые затрагивают частеречную принадлежность (ср. его пример *соответствовать / отвечать (требованиям) – соответствие* [Апресян 1995а]).

³³ Во втором подтипе троек оба глагола НСВ практически равноправны, в четвертом лексический отрыв между обоими глаголами НСВ еще больше, чем в третьем.

наступает именно тогда, когда значения обеих основ не отрываются друг от друга вследствие лексикализации. Так, видимо, и следует объяснить появление таких видовых пар как *строить / построить, писать / написать*, между членами которых нужно усмотреть фокусацию.

Переведя результаты анализа Апресяна в плоскость обоснованных в 4.1–4.2 различий между тремя Функциональными операциями, мы можем сейчас указать значимость описанных им лексикографических особенностей "троек" в современном русском языке для понимания диахронических процессов, в результате которых сложилась русская (польская) видовая система. В современном русском (польском) языке контурация значения бесприставочного глагола в приставочном деривате, не сопровождаемая другими лексическими процессами – явление редкое и диахронически остаточное. Современный литературный литовский язык отличается от русского (польского) языка по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, у большого количества бесприставочных глаголов (причем довольно частотных) никакой контурации (ни лексической, ни аспектуальной) до сих пор не произошло, т.е. диффузные бесприставочные глаголы – явление в нем гораздо более распространенное, чем в русском и польском языках (см. 4.2). Вместе с тем, у большого количества бесприставочных глаголов не наступило ни модификации, ни фокусации. Поэтому с точки зрения лексической семантики в литовском языке продолжает преобладать первый подтип троек Апресяна, а третий в нем малочислен. Во-вторых, если от приставочных основ путем вторичной суффиксации образуются дальнейшие дериваты и создается внешнее подобие русских "видовых троек" (напр., *leisti* 'оставлять, пускать и т.д.' – *atleisti* 'отпускать, прощать' – *atleidinėti* 'то же с множественно-дистрибутивным объектом'), ни бесприставочный, ни "вторично суффиксированный" приставочный глагол не может претендовать на собственно видовую парность с приставочным, "серединным" членом такой тройки. Не может потому, что нет дополнительного распределения между какими-нибудь двумя из этих трех глаголов, в котором оставалось бы идентичным лексическое значение, а аспектуальные и прочие функции менялись бы систематически вследствие дополнительной аспектуальной контурации. Нет собственно видовой парности (с возможностью полного сохранения лексического значения при замене одного глагола другим в каком-то хотя бы одном типе контекста) также в тех случаях, когда приставка служит выражением модификации и к такому деривату образуется дальнейший суффиксированный дериват, поскольку этот последний обладает тем или иным дополнительным оттенком по сравнению со значением производящей основы. Т.е. он сам в свою очередь вносит модификацию по сравнению с приставочным глаголом (ср., напр., *likti* 'оставаться' ⇒ *atlikti* 'выполнять' – *atlikinėti* 'то же, но с дистрибутивно-множественным объектом действия'; см. 3.5, сноску 19).

5. ЛЕКСИЧЕСКИЙ VS. ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС И КАТЕГОРИАЛЬНАЯ РЕКАТЕГОРИЗАЦИЯ

[Апресян 1995] анализируя современное состояние русского литературного языка, исходит из существования видовых оппозиций как из данного. Поскольку, однако, в современном литовском языке, как было показано выше, четких видовых оппозиций нет, а есть только некие явные зачатки видовой системы, ограниченные отдельными аспектуальными группами глаголов, остается еще выяснить, как л е к с и ч е с к и е параллели и отличия в глагольном словообразовании, проявляющиеся особенно на примере так наз. троек, соотносятся с г р а м м а т и ч е с к о й оппозицией между двумя функциональными классами, т.е. видами.

Изменение аспектуального потенциала производного глагола (с приставкой), не затрагивающее его лексического значения, чаще всего обеспечивается дальнейшей деривацией (так наз. "вторичной суффиксацией"). Вместе с тем, в русском и польском языках лексически диффузных бесприставочных глаголов осталось меньше, чем в литовском. Однако для грамматического характера видовой системы гораздо важнее

то, что диапазон аспектуальных функций практически всех глаголов значительно сужен (контурирован) по сравнению с древним состоянием и что бесприставочные глаголы – независимо от того, контурированы они лексически или нет – не составляют здесь исключения: в принципе каждый глагол приобретает более узкий диапазон уже в силу того, что так или иначе он попадает в класс СВ или НСВ³⁴. То, что бесприставочные глаголы, относимые сейчас к НСВ, могут еще и вступать в лексическую оппозицию с "вторично суффиксированными" глаголами (ср. *множиться* vs. *умножаться*), которые, в свою очередь, начинают создавать видовые пары с непосредственными дериватами бесприставочных глаголов (*умножиться* и т.д.), нужно считать скорее побочным следствием тенденции к последовательному оформлению бинарной оппозиции (НСВ vs. СВ).

В отличие от этого, в литовском языке контурация, фокусация и модификация в основном затрагивают всего лишь лексическое толкование глагольных единиц. Эти ФО действуют независимо от того, установилась ли в данном языке видовая система или нет. Для того, чтобы обсуждаемые здесь соотношения в лексическом значении морфологически производящих и производных глаголов вошли в видовую систему с грамматическим статусом, необходимо не только, чтобы данные соотношения имели массовый характер и вовлекали в принципе все глаголы языка. Необходимо прежде всего, чтобы производящие и производные глаголы заменяли друг друга предсказуемым образом, т.е. по достаточно четким правилам в устойчивом наборе контекстов, в которых различия в лексических значениях глаголов, создающих пару, сводились бы к нулю. Иначе говоря: должны существовать такие контексты, в которых при замене глагола не происходит никакой модификации, но заменяющий и заменяемый глаголы аспектуально контурированы, т.е. у каждого из них есть свой устойчивый аспектуальный фокус (ср. предельный процесс vs. предельное событие, состояние vs. начало того же состояния и т.п.).

Таким образом, сопоставление аспектуально релевантных наборов функций в русском, польском и литовском языках (см. разделы 2–3) с анализом аспектуально релевантных частей их толкований (см. раздел 4) приводит к выводу, что лексически заложенные различия в аспектуальном поведении между морфологически соотносительными глаголами (в парах) начинают переходить в собственно видовую систему только тогда, когда их лексические различия (выявляемые наряду с общими тривиальными компонентами значения) могут уступать более абстрактным функциональным различиям, а именно тем, которые обсуждались в разделах 2–3 этой статьи. В русском и польском языках лексически релевантные различия в парных глаголах могут в известном смысле игнорироваться, о чем лучше всего свидетельствуют тривиальные критерии видовой парности и общефактическое значение. В литовском литературном языке (*lietuvių bendrinė kalba*) такие различия не могут регулярно отступать на задний план, так как преобладает такое глагольное словообразование, вследствие которого новые лексические единицы вступают в те же комбинаторные связи с контекстом и другими глагольными категориями, что и их производящие основы. Поэтому между ними не сложилось функционально дополнительного распределения и все глагольное словообразование этого языка в основном не перестало быть богатым и сложным "агломератом" продуктивных способов действия.

Суть видообразования в современных русском и польском языках, напротив, сводится к тому, что при деривации одного глагола из другого замена поднаборов видовых функций (т.е. тех, которые проводились в 3.3–3.5) преобладает над изменениями в лексических значениях. Вслед за Ф. Леманом такое явление можно подвести под 'грамматическую рекатегоризацию': рекатегоризация заключается в переводе какой-то единицы из одной категории в противоположную, "чуждую" ей по ее лексическим характеристикам. В данном случае эти категории называются 'совершенным' и

³⁴ Мы отвлекаемся здесь от двувидовых глаголов. Но они в явном меньшинстве и среди них преобладают заимствования. Тем самым, как исключения, они подтверждают правило.

‘несовершенным видом’, а в каждую из них входят как глаголы, лексическое значение которых обуславливает аспектуальный “дефолт” (употребление по умолчанию), совпадающий по прототипу с функциями данного вида. так и глаголы, которые принадлежат данному виду как лексически непрототипические представители. Так, напр., *сидеть, улыбаться, смотреть (телевизор)* – прототипические глаголы НСВ, а *спотыкаться, открывать (дверь), отговаривать* [см. (21–22)] – глаголы, попавшие в класс НСВ вопреки лексическому прототипу производящей основы (*споткнуться, открыть, отговорить*). но в силу того, что они обладают по крайней мере частью того набора функций, который свойствен глаголам данного класса в целом – в первую очередь тем, которые мотивируют его лексически³⁵. Грамматический статус данная рекатегоризация имеет потому, что (а) практически каждый русский (польский) глагол относится к одному из классов категории и что (б) морфологическая деривация создает парные соотношения оппозитивных на основе этой бинарной категории функций.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если мы готовы различать лексический и грамматический статус глагольной аффиксации (словообразования), то сравнение современного состояния русского и польского языков с литовским может помочь в объяснении странного типологического облика современного славянского вида. Принимая во внимание, что словообразовательная морфология современного литовского языка с функциональной точки зрения более архаична, чем русская и польская, и учитывая итоги некоторых исследований последнего времени по развитию славянской видовой системы³⁶, в современном литовском языке мы можем обнаружить много свидетельств более раннего состояния севернославянского глагольного словообразования. т.е. стадии, когда разнообразные дериваты простых и сложных основ только начали складываться в грамматическую систему.

Исходным пунктом как для исторического развития славянской видовой системы, так и для оценки современного литовского языка служит тот факт, что эти дериваты чаще всего представляли собой лишь лексические варианты или модификации мотивирующих основ (глаголов). Поэтому на пути от разветвленной системы лексических модификаций (способов действия) к видовой системе в современном русском и польском языках стали затрагиваться все большие пласты глагольного словаря, а не отдельные морфемы. “Стандартный” путь образования грамматических категорий, как он обычно представляется в литературе по грамматикализации, напротив, заключается в постепенном переходе автосемантических слов (или конструкций) в синсемантические, прежде всего в их постепенном превращении в словоизменяемые средства [Bybee et al. 1994]. Р е з у л ь т а т ы обоих типов генезиса грамматического вида с точки зрения выше названных критериев в принципе одинаковы, но п у т и с т а н о в л е н и я кардинально отличны.

Возникновение славянской видовой системы опиралось на запасы глагольного словаря (т.е. на значение целых автосемантических единиц) и словообразовательных морфем. В этом смысле этот процесс протекал на основаниях, противоположных тем, к которым мы “привыкли” на материале языков с флективным или перифрастическим видом. Он связывался с многочисленными случаями лексикализации и релексикализации глаголов и с частичной делексикализацией словообразовательных аффиксов. В литовском языке обнаруживаются случаи (ре)лексикализации основ и делексикализации аффиксов, но эти явления (в кодифицированном языке) до сих пор не сложились в систему с четко очерченными и дополнительными поднаборами функций для двух бинарно противопоставленных классов (НСВ vs. СВ).

Конечно, эти итоги во многом представляют лишь общую картину в сопостав-

³⁵ См. [V. Lehmann 1997; 1999a: 209 и сл.; 1999b: 215 и сл., 223 и сл.], а также [Mende 1999: 289–294].

³⁶ Ср. [Bermel 1997; Böttger 1998; V. Lehmann 1999a; Mende 1999].

ляемых здесь языках. Также роль, которую при выяснении возникновения видовой системы севернославянского типа может сыграть опыт толкования морфологически производящих и производных глаголов, в данной статье указана выборочно, хотя и для представительных и решающих для изучаемого вопроса групп глаголов. Тем не менее, здесь хотелось бы сделать первый существенный шаг в нужном направлении для дальнейшей систематической программы исследования сложных вопросов, связанных с путем грамматикализации вида на словообразовательной основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авилова Н.С. 1964 – Изменения в системе глагола // В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова (ред.). Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском языке XIX века. М., 1964.
- Апресян Ю.Д. 1983 – О структуре значений языковых единиц // Т. Dobrzinska, E. Janus (red.). Tekst i zdanie. Wroclaw, 1983.
- Апресян Ю.Д. 1995а – Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1995 (второе исправленное и дополненное издание работы 1974 года). 1995.
- Апресян Ю.Д. 1995б – Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Ю.Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян Ю.Д. 1995в – Трактровка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Бондарко А.В. 1987 – Аспектуальность: Содержание и типы аспектуальных отношений // А.В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Т. I: введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Булыгина Т.В. 1980 – Грамматические и семантические категории и их связи // Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева (ред.). Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. 1989 – Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Н.Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
- Гловинская М.Я. 1982 – Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- ГДЯ 1985 – В. Амбразас (гл. ред.). Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
- Зализняк А.А., Шмелев А.Д. 1997 – Лекции по русской аспектологии. Munchen, 1997.
- Клобуков Е.В., Рыжих Ю.М. 1998 – К изучению продуктивных типов видовой соотносительности русских глаголов // М.Ю. Черткова (ред.). Типология вида (проблемы, поиски, решения). М., 1998.
- Кронгауз М.М. 1998 – Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Маслов Ю.С. 1948 – Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // ИАН СЛЯ. 1948. Вып. 4.
- Маслов Ю.С. 1959 – Zur Entstehungsgeschichte des slavischen Verbalaspekts // Zeitschrift fur Slawistik. 1959. 4.
- Мустейкис К. 1972 – Сопоставительная морфология русского и литовского языков. Вильнюс, 1972.
- Падучева Е.В. 1996 – Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке // Семантика нарратива. М., 1996.
- Силина В.Б. 1982 – История категории глагольного вида // Р.И. Аванесов, В.В. Иванов (Ред.). Историческая грамматика русского языка. М., 1982.
- ТКС 1984 – И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь русского языка (Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики). Wien, 1984.
- ТРК 1983 – В.П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
- Урысон Е.В. 1997 – Несостоявшаяся полисемия (типы толкований с союзом 'или') // Л.П. Крысин (Сост.). Облик слова (Сб. статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева). М., 1997.
- Bermel N. 1997 – Context and the lexicon in the development of Russian aspect. Berkeley: Los Angeles; London, 1997.

- Bottgei K 1998 – Die Diachronie der Aspektfunktionen im Russischen // M. Gjer, T. Menzel, B. Wiemer *Lezikologie und Sprachveränderung in der Slavia Oldenburg*, 1998
- Bieu W 1980 – Semantische Untersuchungen zum Verbalaspekt im Russischen München, 1980
- Bieu W 1984 – Zur Rolle der Lexik in der Aspektologie // *Die Welt der Slaven* 1984 29
- Bieu W 1988 – Resultativität, Perfekt und die Gliederung der Aspektdimension // J. Raacke, *Slavistische Linguistik* 1987 München 1988
- Bieu W 1992 – Zur Rolle der Präfixierung bei der Entstehung von Aspektsystemen // M. Guiraud-Weber, Ch. Zaremba (Ed.) *Linguistique et slavistique. Melanges offerts a Paul Garde* T. I Aix-en-Provence Paris, 1992
- Bieu W 1997 – Семантика глагольного вида как ответвление от предельных свойств лексем (иерархическая модель компонентов) // S. Karolak (Red.) *Семантика и структура славянского вида II* Krakow 1997
- Bybee I L 1985 – *Morphology (A study of the relation between meaning and form)* Amsterdam, Philadelphia, 1985
- Bybee I L 1997 – Semantic aspects of morphological typology // J. Bybee, J. Haiman, S. A. Thompson (Eds.) *Essays on language type (Dedicated to T. Givón)* Amsterdam, Philadelphia, 1997
- Bybee I L, Perkins R, Pollock W 1994 – *The evolution of grammar (Tense, aspect and modality in the languages of the world)* Chicago, London, 1994
- Dahl O 1985 – *Tense and aspect systems* Oxford New York, 1985
- Dambriunas L 1959 – Verbal aspects in Lithuanian // *Lingua Posnaniensis*, 1959 7
- Dumašius E 1961 – Dabartinės literatūrinės lietuvių kalbos veiksmažodžio vietišmo esamojo laiko reikšmės ir vartojimas Дис. канд. филол. наук Vilnius, 1961
- Galnaityte E 1963 – Особенности категории вида глаголов в литовском языке (в сопоставлении с русским языком) // *Kalbotyra* 1963, 7
- Galnaityte E 1966 – К вопросу об имперфективации глаголов в литовском языке // *Baltistica* XI 2
- Geništienė E 1987 – *The typology of reflexives* Berlin, New York, 1987
- Jalaitienė E, Laigonaite A, Paulauskienė A 1976 – *Lietuvių kalbos morfologija* Vilnius, 1976
- Knjazev Ju P (в печати) – Lexical reciprocals as a means of expressing situations // V. P. Nedjalkov (Ed.) *Typology of reciprocal constructions*
- Koschmieder E 1934 – *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Proba syntezy* Wilno, 1934
- Kozłowski J S 1988 – Resultatives: results and discussion // V. P. Nedjalkov (Ed.) *Typology of resultative constructions* Amsterdam, Philadelphia, 1988
- Kianzle M 1997 – Anmerkungen zum litauischen Aspekt // *Linguistica Lettica. Latviešu valodas instituta žurnāls* Rīga, 1997 № 1
- Lehmann C 1989 – Grammatikalisierung und Lexikalisierung // *Zeitschrift für Phonetik Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung* 1989 Bd 43 № 1
- Lehmann C 1995 – *Thoughts on Grammaticalization* München, Newcastle, 1995
- Lehmann V 1992 – Grammatische Zeitkonzepte und ihre Erklärung // *Kognitionswissenschaft* 1995 № 2
- Lehmann V 1996 – Die Rekonstruktion von Bedeutungsentwicklung und-motiviertheit mit Funktionalen Operationen // W. Girke (Hrsg.) *Slavistische Linguistik* 1995 München, 1996
- Lehmann V 1997 – Грамматическая деривация вида и типы глагольных лексем / М. Ю. Чертова (ред.) *Труды аспектологического семинара Филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова* Т. 2 М., 1997
- Lehmann V 1998 – Eine Kritik der progressiven Funktion als Kriterium aspektueller Verbkategorisierung // *Die Welt der Slaven* Bd 43 1998
- Lehmann V 1999a – Sprachliche Entwicklung als Expansion und Reduction // T. Anstatt (Hrsg.) *Entwicklungen in slavistischen Sprachen* München, 1999
- Lehmann V 1999b – Aspekt // H. Jachnow (Hrsg.) *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen* Wiesbaden, 1999
- Lazinski M, Wiemer B 1996 – Terminatywnosc jako kategoria stopniowalna // *Prace filologiczne* XL 1996
- Mende I 1999 – Derivation und reinterpretation die Grammatikalisierung des russischen Aspekts // T. Anstatt (Hrsg.) *Entwicklungen in slavistischen Sprachen* München, 1999
- Paulauskienė A 1994 – *Lietuvių kalbos morfologija (Paskaitos lietuvių kalbos)* Vilnius, 1994

- Safarewicz J.* 1938 – Stan badań nad aspektem czasownikowym w języku litewskim // *Balticoslavica* III. Wilno, 1938.
- Traugott E.S.* 1988 – Pragmatic strengthening and grammaticalization // Sh. Axmaker, A. Jaisser, H. Singmaster (Eds.). *Barkeley Linguistic Society: Proceedings of the Fourteenth annual meeting. General Session and Parasession on grammaticalization.* Barkeley. 1988.
- Wiemer B.* 1977 – Diskursreferenz im Polnischen und Deutschen – aufgezeigt an der narrativen Rede ein- und zweisprachiger Schuler. München, 1997.
- Wiemer B.* 2000a – Пресуппозиция и импликатуры в толкованиях предельных событий и соотносимых с ними процессов // *Научно-техническая информация.* 2000. № 1.
- Wiemer B.* 2000b – Aspect choice in non-declarative and modalized utterances as extensions from assertive domains (Lexical semantics, scopes, and categorial distinctions in Russian and Polish) // H. Bartels, N. Stormer, E. Walusiak (Hrsg.). *Untersuchungen zur Morphologie und Syntax im Slavischen.* Oldenburg, 2000.